

ВВЕДЕНИЕ

В середине II тыс. до н. э. в жизни степного населения Волго-Уралья произошли значительные экономические, социальные и культурно-исторические события. На рубеже эпох средней и поздней бронзы здесь началось формирование и развитие обширной этно-культурной общности племен, которая обособлена на основании археологических материалов и названа «срубной культурой». В большей степени этот процесс был обусловлен существенным сдвигом в развитии производящей экономики, в частности переходом от раннекочевого к пастушескому типу животноводства, усложнением социальной структуры общества и началом мощной демографической динамики. Наступало время расцвета металлургии бронзы, определяемое исследователями как позднебронзовый век.

Вопрос о происхождении срубной культуры остается предметом острых дискуссий. Слишком расплывчаты и неконкретны слагающие ее местные генетические корни, весьма отличны от производного и пришлые компоненты, участвовавшие в становлении. На этом фоне еще более феноменальным представляется факт возникновения здесь срубных поселений – памятников оседлого типа с уже сформировавшимся керамическим комплексом, оригинальными орудиями труда, развитой техникой домостроения. Общепринято мнение о том, что ядро становления срубной культуры сложилось именно в волго-уральских степях [Мерперт Н. Я., 1985. С. 7].

Степное Волго-Уралье простирается между реками Волгой и Уралом – с запада на восток – и от волжского притока – реки Большой Ирғиз на севере до Прикаспийской низменности с низовьями Узеней на юге. В соответствии с современным административным делением, это территория саратовско-волгоградского Заволжья и северо-западного Казахстана. Здесь оформился ареал постоянного обитания степных племен срубной культуры, здесь она прошла все фазы своего развития от зарождения до финала. Лежащие южнее огромные пространства волго-уральских песков с Камыш-Самарскими, Ахтубинскими и Прикаспийскими зимними пастбищами являлись гигантским хозяйственным субрегионом, который использовался не только срубными, но и сопредельными, по большей части восточными, алакульскими, племенами. Поэтому не исключено, что не только пограничные зоны степи-лесостепи, но и вся прикаспийская полупустыня были ареалами активных межкультурных контактов, причем традиция межплеменных взаимодействий на зимних пастбищах могла восхо-

дять еще к эпохе энеолита. Поэтому при рассмотрении поселенческих памятников срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья мы привлекаем материалы, происходящие с временных пастушеских стойбищ дюнного типа полупустынной зоны Волго-Уралья.

Замкнутый цикл хозяйства степных срубных племен, в котором ведущую роль играло пастушеское животноводство, а пойменно-мотыжное земледелие, и то не повсеместно, выполняло функцию подспорья, означал определенную изолированность и консервативность степного населения. Этому способствовала и удаленность глубинных степных регионов как от Волги, так и от Урала, главных магистралей и одновременно границ региона. Здесь, в глубокой степи (бассейн Большого и Малого Узеней), инкультурные вкрапления не фиксируются ни в керамике, ни в инвентаре. Здесь постоянен дефицит металлических изделий. Степные поселения сохраняют традиционно срубные черты даже в начале финала эпохи бронзы, когда по соседству, в лесостепи и на Волге, развиваются совершенно иные типы комплексов, характерные присутствием валиковой керамики.

На границе с лесостепью наблюдается несколько иная картина. Вероятно, именно здесь степное население усваивало принцип постоянного проживания на стационарных поселках, здесь совершенствовалась домостроительная традиция, заимствованная у родственных лесостепных племен Среднего Поволжья и Южного Урала, и только здесь, хоть и в малой степени, фиксируется местная металлургия. Значение данной контактной зоны для степных племен срубной культуры чрезвычайно велико. На протяжении всей второй половины II тыс. до н.э. она действовала в качестве катализатора культурной диффузии, обеспечивая степь металлом из рудных источников Прикамья, Урала и Северного Казахстана.

Предлагаемое читателю учебное пособие рассчитано на студентов исторических факультетов, слушателей спецсеминаров по археологии и аспирантов, но автор надеется, что оно будет небезынтересно специалистам, занимающимся вопросами археологии и древней истории бронзового века. В нем собраны и систематизированы материалы свыше двухсот памятников, среди которых выделяются поселения, в разные годы исследованные П. С. Рыковым, И. В. Синицыным, Т. Б. Поповой, В. П. Шиловым, Ю. В. Деревягиным, Н. М. Маловым, а также самим автором. Некоторые методики исследования материалов, в частности классификация керамического комплекса, реконструкции построек, были разработаны на базе наиболее полно изученного комплекса Преображенка I, раскопанного автором в 1985–1988 гг. При изучении эволюции керамического комплекса степных срубных поселений с использованием статистико-комбинаторных методов были при-

влечены материалы поселений Успенка, Максютово, Осинов-Гай, Покровское, Мирный.

В работе использованы результаты многолетних разведочных изысканий А. И. Юдина, В. В. Воробьева, С. В. Ляхова, С. И. Четверикова, О. В. Кочерженко, И. И. Дремова, И. Б. Васильева, П. Ф. Кузнецова, Е. В. Козина, проводившихся в степях и полупустынях Волго-Уралья в 80-х годах. Значительная консультативная помощь была получена от Е. К. Максимова, В. П. Шилова, Н. К. Качаловой, Э. С. Шарафутдиновой, В. С. Бочкарева на конференциях и совещаниях, проходивших в Москве, Саратове, Петербурге, Самаре, Днепропетровске.

Своим учителям и коллегам, товарищам по совместной экспедиционной работе в Заволжье автор выражает глубокую благодарность.

ГЛАВА I

История исследования срубных поселений степного Волго-Уралья

При изучении срубной культуры материалам поселений всегда отводилась исключительно важная роль. Вместе с тем в процессе накопления источниковедческой базы образовалась колоссальная диспропорция между исследованными погребальными и поселенческими памятниками. Из более чем двухсот известных в степном Волго-Уралье срубных поселений только на двадцати проводились раскопки. Сложившаяся ситуация тем более представляется странной, что практически все исследователи, работавшие в Нижнем Поволжье, так или иначе занимались изучением поселений и, в комплексе с погребальными памятниками, охотно использовали эти материалы в своих разработках.

История изучения нашего вопроса связана с определенными и в известной степени общими этапами развития отечественной исторической науки (дооктябрьский, предвоенный и послевоенный периоды). Но в еще большей мере ощущается ее зависимость от конкретных исследователей, работавших в археологии Нижнего Поволжья, и созданных ими исследовательских направлений. Частично некоторые общие этапы совпадают со временем деятельности того или иного исследователя. В связи с этим разделение истории изучения срубных поселений на условные этапы представляется следующим образом: 1 – период деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, время случайных находок и эпизодических наблюдений (1893–1918); 2 – период становления школы П. С. Рыкова, время активного поиска, систематических исследований и первых попыток интерпретации поселенческого материала (1919–1936); 3 – период деятельности И. В. Сеницына и его учеников, начало масштабных раскопок на поселениях (1939–1970); 4 – период нового подъема в изучении поселений, время деятельности Научно-исследовательской археологической лаборатории Саратовского государственного университета, сплошного обследования заволжской степи, систематических исследований на срубных поселениях (1978–1995).

В 1893 г. одному из представителей Саратовской ученой архивной комиссии Б. В. Зайковскому было сообщено о древнем поселении, которое разрушалось карьером кирпичного завода на северной окраине г. Покровска. При обследовании селища Б. В. Зайковский, а несколько позже П. Н. Шишкин обнаружили множество обломков керамики, кусочек

меди, целый глиняный горшок, а также грунтовое погребение с глиняным сосудом. Остатки трех больших зольных пятен, обнаженных карьером, были тогда интерпретированы как следы наземных шалашей с очагами [Рыков П. С., 1921. Л. 3]. Это было первое открытие срубного поселения, документально зафиксированное на интересующей нас территории.

Понятия «срубная культура» еще не существовало. До начала планомерных работ В. А. Городцова на Донце, в результате которых была создана относительная периодизация культур бронзового века юга России и в частности выделены «погребения в срубах», оставалось еще восемь лет [Городцов В. А., 1905. С. 179]. Поэтому странную лепную керамику Покровского селища, как и аналогичные случайные находки прошлых и последующих лет, лишь в начале XX века, после открытий В. А. Городцова, стали связывать с медным веком [Зайковский Б. В., 1908. С. 53; 1913. С. 187–209; Минх И. Н., 1909. С. 223; Щеглов С. А., 1910. С. 93–100; Орехов В. Ф., 1916. С. 45–49].

Вновь подобная керамика в Заволжье была обнаружена Ф. Д. Охлябинным и С. А. Щегловым в 1912–1913 гг. на дюнной стоянке Прапорский Бугор, расположенной также близ устья р. Саратовки, на окраине Покровска [Фонды СОМК], а в 1914 г. черепки с геометрическим орнаментом были найдены П. Н. Шишкиным и Б. В. Федоровым на Большом Карамане, на дюнах у с. Тонкошуровка [Фонды СОМК].

Археологическая деятельность Саратовской ученой архивной комиссии в Заволжье была крайне ограниченной. Во-первых, административно эта территория относилась к Самарской губернии, и поэтому в поле зрения СУАК попадали лишь близлежащие памятники, расположенные на левом берегу Волги и ближайших ее притоках. Сообщения местного населения были крайне редки, а находки носили случайный характер. Ни о каком целенаправленном поиске памятников или планомерных раскопках в Заволжье не могло быть и речи. А во-вторых, обширная, безусловно небесплезная работа СУАК, направленная на собирание сведений о нижне-волжских древностях при посредстве рассылки по волостям опросных листов и сбора частных пожертвований, во многом представляется попыткой «объять необъятное». Из волостей приходили, как правило, неутешительные ответы. А о культурной принадлежности и датировке пожертвованных в музей раритетов зачастую приходилось лишь догадываться.

В целом дооктябрьский период можно назвать временем случайных находок и накопления сведений об археологических памятниках края. Эта работа целого коллектива незаурядных людей, беззаветно преданных благородному делу изучения отечественной истории, людей, порой, драматических судеб, продолжалась и после 1917 года.

В разгар гражданской войны, в 1918 г., С. А. Щеглов обнаружил поселение с лепной керамикой, орнаментированной геометрическим узором, на

р. Березовке. Вместе с обычными гладкостенными фрагментами были найдены экземпляры с налипшими, треугольными в сечении валиками и глубокими вертикальными нарезками под краем устья [Фонды СОМК]. Эти материалы, как и все предыдущие находки с заволжских поселений, в те годы не получили достойной интерпретации, они просто пополнили музейную коллекцию.

В начале 20-х гг. в археологию России приходит новое поколение историков, стоящих на позициях марксистской методологии. В Саратов приезжает П. С. Рыков, ученик и последователь В. А. Городцова. В те годы уже мало кто сомневался в том, что культуры позднебронзового века, открытые на Донце, были распространены на очень широкой территории, в том числе в Поволжье. Укреплению этого мнения отчасти способствовали раскопки В. Ф. Орехова в Хвалынском уезде Саратовской губернии в 1916 г., которые выявили на древних поселениях Нижней Волги керамику, идентичную той, что была обнаружена в донецких могилах со срубами, на горизонте и в насыпях [Орехов В. Ф., 1916. С. 45–49]. Здесь она была зафиксирована в одном комплексе.

В 1921 г. П. С. Рыков начал раскопки Покровского селища, первые полевые исследования поселения срубной культуры в степном Заволжье. В раскопе он находит лепную керамику, украшенную резным и чеканным геометрическим орнаментом [Рыков П. С., 1921. Л. 5–6].

Годом позже раскопчные траншеи заложены на зольном пятне, где мощность культурного слоя достигала одного аршина. Раскопками двух лет получен обширный материал, который был подвергнут довольно тщательному анализу и систематизации. Отмечая сходство покровской керамики с ивановской, автор раскопок разделяет весь комплекс на две группы сосудов: орнаментированные и без орнамента, причем анализ форм дан только для первой группы, где он вскользь упоминает о баночных сосудах и горшках с округлым туловом и острым ребром. Для неорнаментированной посуды указан только один признак – крупные размеры. В основном внимание исследователя обращено к орнаментации, поскольку здесь он располагал фрагментированным материалом. Выделены три типа орнамента: печатный, чеканный и резной. В свою очередь каждый из типов разделен на отделы: нитчатый, веревочный, личиночный (для первого типа); треугольники, продолговатые ямки и ромбы (для второго); «волчий зуб» (каплевидный оттиск) – для третьего типа.

Для своего времени это было достаточно реальное решение вопроса классификации орнамента на фрагментированном керамическом материале. Автор раскопок по существу разделил декор на первичные элементы (отделы), находящиеся в прямой зависимости от техники нанесения (типы). В дальнейшем эта система позволяла организовать стабильный учет и анализ массового керамического материала из раскопок поселений. Одно-

временно обозначился первый и самый доступный аспект исследования поселений – визуальный анализ керамического комплекса.

В хронологическом и культурном определении П. С. Рыков соотносит материалы Покровского селища с результатами работ В. А. Городцова и В. Ф. Орехова и приходит к выводу о несомненной принадлежности памятника к срубной культуре и, в частности, ко времени погребений в насыпи и на горизонте [Рыков П. С. , 1922. Л. 43].

С этого момента все известные в Заволжье поселения с лепной керамикой, орнаментированной геометрическим узором, обрели свое место в бронзовом веке Юго-Восточной Европы. Известных памятников становится все больше. В начале 20-х гг. были организованы крупные экспедиции с целью обследования больших территорий. В степном Заволжье разворачиваются разведочные работы в бассейнах рек Большого и Малого Караманов, Саратовки, Еруслана, Торгуна, Ахтубы под руководством П. С. Рыкова и В. В. Гольмстен. Эти работы значительно расширили ареал обитания срубных племен, раздвинув его границы до р. Самары на севере, к предгорьям Урала на востоке и в пески Прикаспия на юге. В составе экспедиции В. В. Гольмстен тогда работали и молодые исследователи – краеведы К. И. Журавлев, А. И. Тереножкин и А. А. Марущенко. В 1923 и 1924 гг. они выявили на Иргизах, Чагре и Камелике свыше 80 селищ эпохи поздней бронзы.

Этому предшествовали самостоятельные изыскания А. И. Тереножкина, который в 1919–1920 гг. открыл в окрестностях г. Пугачева несколько древних поселений. На некоторых с 1920 по 1927 гг. он проводил частичные раскопки. Так, на селище у озера Калач им были исследованы остатки двух землянок. Керамика Калачовского поселения была представлена тремя основными формами: баночными, остросереберными и округлоплечими сосудами. Орнамент разложен автором на элементы: оттиски плоских палочек, зубчатый штамп, прочерченные линии, различные насечки и вдавления. Элементы сгруппированы в сюжеты: углы, треугольники и зигзаги. Технологическая характеристика содержала сведения об отошителях: песок, шамот, толченые кости; о поверхностной обработке: лощение, заглаживание травой или штампом [Тереножкин А. И., рукопись из архива Е. К. Максимова].

Остатки одного жилища А. И. Тереножкин раскопал на поселении у с. Успенка. Здесь была обнаружена керамика, полностью идентичная калачовской по технологии изготовления, форме и орнаментации. К сожалению, как и в предыдущей ситуации, из-за плохой сохранности не удалось проследить конструктивные особенности жилья. Было лишь ясно, что это полуземлянки со столбовыми опорами кровли. Оба памятника автор раскопок позже отнес к срубной культуре. С появлением стройной концепции О. А. Кривцовой-Граковой эти поселения А. И. Тереножкин датирует ее

первым «покровским» этапом срубной культуры [Кривцова-Гракова О. А., 1955. С. 38], с единственной разницей, что хронологические рамки данного этапа он сдвигает на одно столетие ниже, определяя его не XV–XIII, а XVI–XIV в.в. до н.э.

Отводя заволжской степи роль эпицентра происхождения срубной культуры, А. И. Тереножкин считал селища подобного типа классическими для данного региона и категорически отрицал возможность существования здесь поселений второго, срубно-хвалынского (по той же схеме О. А. Кривцовой-Граковой) этапа, синхронного сабатиновскому этапу на Украине.

Впрочем, тогда, в 20-х гг., молодые сотрудники Пугачевского краеведческого музея А. И. Тереножкин и К. И. Журавлев еще только привыкали к мысли о том, что найденные ими поселения относятся к бронзовому веку, само существование которого в Восточной Европе совсем недавно полностью отрицалось.

Совместная археологическая деятельность первых учеников П. С. Рыкова – П. Д. Рау и Т. М. Минаевой также начиналась с активных разведочных работ. В 1924 году, во время обследования среднего течения р. Торгун, они обнаружили целую серию срубных поселений и сообщили о результатах своих изысканий в совместном докладе на заседании Археологического отдела Нижне-Волжского общества краеведения [Минаева Т. М., Рау П. Д., 1926. С. 5–6]. Отметив довольно высокую плотность заселенности малых пересыхающих рек в эпоху бронзы, П. Д. Рау и Т. М. Минаева отделили керамику с геометрическим орнаментом от более древних кремневых микролитических орудий, предположив, однако, их преемственность.

Разведки П. С. Рыкова на Ахтубе и в Прикаспии в конце 20-х гг. имели важное значение в определении роли нижневолжских долговременных пастбищ для развития животноводства в эпоху бронзы. На ахтубинских дюнных выдувах он наблюдал свидетельства многих исторических эпох – от неолита до позднего средневековья. Причины столь плотной концентрации разновременных древностей в одном месте были не совсем ясны. Еще более загадочным представлялся тот факт, что все стойбища имели явно временный, сезонный характер. Среди остатков различных эпох на дюнах встречалась и типично срубная керамика (Дмитриевка, Болхуны, Золотушинское, Удачное, Досанг) [Рыков П. С., 1929. Л. 38–46].

Примерно в это же время в результате широких исследований подкурганых захоронений оформляется стадияльная концепция П. С. Рыкова о соотношении культур эпохи бронзы в Нижнем Поволжье [Рыков П. С., 1927. С. 82]. Теоретически этому предшествовало осмысление схемы В. А. Городцова. Указав на существенные различия в погребальных обрядах срубной культуры В. А. Городцова и Хвалынской (Нижневолжской) культуры По-

волжья, П. С. Рыков настаивал на самостоятельном генезисе и становлении последней и лишь дальнейшем их взаимопроникновении. Хвалынская культура на ранней стадии (А), существующая синхронно с катакомбной, в середине II тыс. до н.э. вступает в тесный контакт с племенами собственно срубной культуры, что предопределило начало второй стадии развития хвалынской культуры (Б), в течение которой происходит постепенная замена хвалынских признаков на срубные. Синхронно этому процессу развивается вторая линия (стадия С), характерная таким ярким признаком, как погребения с «вазообразными» сосудами. Уже тогда автором было отмечено это явление как проникновение инокультурного компонента, а именно заимствование подобной формы сосудов у катакомбников [Рыков П. С., 1927. С. 80].

Место заволжских поселений в системе развития культур эпохи поздней бронзы оставалось неопределенным. Сам автор не связывал известные селища с какими-либо конкретными стадиями своей схемы. Внешне они представлялись одинаковыми, поэтому П. С. Рыков не рискнул привлечь эти невыразительные материалы в качестве стадиальных признаков.

Попытку тщательного анализа и культурно-хронологического определения наиболее полно исследованного в те годы в Заволжье Покровского селища предприняла Т. М. Минаева. Взяв за основу классификацию керамики, сделанную автором раскопок, она творчески ее доработала. Прежде всего была проведена более дробная дифференциация форм сосудов. Молодая исследовательница выделила в первой группе П. С. Рыкова три основные формы с учетом некоторой вариативности внутри каждой из них: 1 – баночные (а – с прямыми боковыми стенками, б – со слегка выпуклыми стенками); 2 – сосуды с округлым плечом, вогнутой шейкой и слегка расширенным горлом (округлобокие); 3 – остросеберные (этот тип, в силу его малочисленности, Т. М. Минаева посчитала нехарактерным для керамики Покровского селища). Особо было указано также на сосуды с высокими прямыми венчиками, слегка раздутыми боками и узкими днищами.

Орнамент детализирован до уровня элементов (различные врезные или гребенчатые линии, вдавления и насечки, штампы), которые группируются в примитивные геометрические сюжеты (штрихованные зигзаги, ряды косых линий, вертикальные ромбы в сочетании с зерновидными вдавлениями, горизонтальные елочки из линзовидных насечек, свастики). Отмечено также, что орнаментальная зона располагается, как правило, в верхней части сосуда, в виде опоясывающего ряда.

Тонкий наблюдатель, Т. М. Минаева обратила внимание на сходство некоторых экземпляров с «вазообразными» сосудами Покровского могильника и совершенно верно отнесла Покровское селище ко времени стадии С схемы П. С. Рыкова [Минаева Т. М., 1929. С. 322]. Анализ керамического комплекса Покровского селища, выполненный Т. М. Минаевой, и

теперь интересен как исследование. Выделенные ею основные типы форм срубной керамики (баночная, округлобокая, острореберная) до сих пор в ходу у исследователей. В этой работе есть очень удачное предположение о возможной генетической близости между отдельными формами, в частности баночной и округлобокой в их различных вариациях. А догадка о вероятном родстве некоторых погребений близлежащих курганных могильников с обитателями древнего поселения открывала перед исследователями широкие возможности поиска и комплексного изучения мест обитания и связанных с ними некрополей.

К началу 30-х гг. в результате крупномасштабных исследований П. С. Рыкова и целой плеяды его талантливых учеников П. Д. Рау, Т. М. Минаевой, А. Н. и Е. Н. Кушевых, П. Д. Степанова, Н. К. Арзютова, И. В. Сеницына представления о культурах бронзового века Нижнего Поволжья значительно расширились. Пополнились сведения и о срубных поселениях. В частности, раскопки селищ в Правобережье в 1931 году проводили И. В. Сеницын и Т. М. Минаева [Сеницын И. В., 1932. С. 19–27; Минаева Т. М., Фурсаев А. Д., 1934. С. 150]. Новые раскопки и разведки расширили круг аспектов исследования. Кроме анализа и систематизации керамики, на повестку дня выносятся такие проблемы, как тип жилища, состав стада, вид хозяйства и соотношение скотоводства и земледелия, набор агрокультур и формы животноводства. Комплексный подход к изучению вещественных остатков древних поселений позволил, при рассмотрении их в тесной связи с возможными видами хозяйственной деятельности, зависящими от природно-климатических условий, сделать важнейший вывод о неоднородности производящего хозяйства степной и лесостепной зон Нижнего Поволжья, а именно – о существовании как чисто животноводческих, так и земледельческо-пастушеских обществ в рамках одного этно-культурного образования. Была также отмечена исключительная важность зимних прикаспийских пастбищ для развития в регионе животноводства [Рыков П. С., 1936. С. 40].

Подтвердить эти смелые гипотезы могли только новые материалы раскопок, но в 30-е гг. в исследовании срубных поселений, и особенно в Заповолжье, наступает период временного затишья. Внимание саратовских археологов приковано, в основном, к изучению курганных могильников и городищ. Лишь накануне второй мировой войны И. В. Сеницын предпринимает крупные исследования поселений срубной культуры в степном Заповолжье.

Понимая принципиальную необходимость раскопок поселений для изучения общества эпохи бронзы [Сеницын И. В., 1959. С. 7], он в течение двух полевых сезонов обследовал старые разведочные маршруты К. И. Журавлева

и А. И. Тереножкина в бассейнах Иргизов, Чагры и Камелика, нанес на карту свыше 100 памятников и раскопал два поселения [Синицын И. В., 1949. С. 149].

В 1938 г. экспедиция И. В. Синицына работала около с. Максютово Клинцовского района Саратовской области. На правом высоком берегу р. Камелик был заложен раскоп в 192 кв. м и зафиксированы две землянки. Конструктивные особенности жилищ описаны автором раскопок довольно скупо. Отмечена прямоугольная форма котлованов, размеры, столбовые ямки по углам, остатки земляных нар. Высказано предположение о том, что постройки, в соответствии с системой опор, должны были иметь двускатные крыши.

Анализ керамического комплекса проводился без какой-либо системы и представляется, скорее, обычным описанием встреченных форм и орнаментальных сюжетов. Отмечены сюжеты орнамента в виде треугольников и наклонных насечек. Выделены сосуды средних размеров баночных и острореберных форм, крупные корчаги, небольшие горшки с прямыми стенками и миниатюрные сосудики [Синицын И. В., 1949. С. 200–201].

Год спустя И. В. Синицын исследовал еще две землянки, теперь уже на поселении у с. Успенка, в окрестностях г. Пугачева, где в 20-х годах А. И. Тереножкин раскопал одно разрушенное рекой жилище. Обширные прямоугольные котлованы перекрывались, по мнению исследователя, двускатными крышами, которые держались на столбовых опорах. Вдоль стен были устроены нары, а в глинистый пол, около очагов открытого типа, наполовину зарыты крупные корчаги. Особенностью одной постройки были примыкающие с боков хозяйственные помещения, по мнению автора, предназначавшиеся для стойлового содержания скота в зимнее время.

В одном из очагов отмечены следы медного литья, а в глиняной корчаге найдены костяные наконечники стрел в разной степени обработки. В заполнении котлованов обнаружены костяные тупики, шилья, пряслице, множество фрагментов керамики и костей животных [Синицын И. В., 1949. С. 212].

Анализ керамики Успенки аналогичен характеристике максютовского комплекса. Он так же предельно лаконичен. Вместе с тем немаловажен вывод И. В. Синицына о необходимости деления поселенческой керамики на «кухонную и столовую» категории посуды. Это остроумное решение было достигнуто в результате соотнесения типов орнамента, а также степени орнаментированности с теми или иными формами сосудов. В частности, было подмечено, что хорошо профилированные горшечные формы, как правило, сочетаются с пышным декором в виде многосюжетных композиций, и напротив, баночные сосуды украшены бедно – одним-двумя рядами коротких насечек. Отмечая в орнаменте успенской керамики неко-

торые «андроноидные» признаки, исследователь делает вывод о возможных связях степной срубной культуры с восточными племенами [Синицын И. В., 1949. С. 217].

Довольно тщательно был проанализирован остеологический материал, в результате чего получены данные о видовом составе стада. Эти материалы, в сочетании с немногочисленными свидетельствами о примитивном земледелии, подтверждали представления о срубных племенах как обществе земледельцев-скотоводов, практиковавших производящие типы хозяйства. Кроме того, были получены убедительные данные о местной металлообработке и косторезном деле. Находки сплесков медного литья и полуфабрикатов костяных изделий красноречиво иллюстрировали занятия широких слоев населения придомным ремеслом. Предположения о возможных внешних контактах и автохтонном ремесле стали новыми перспективными аспектами изучения поселений, намеченными в результате работ И. В. Синицына в Заволжье.

В послевоенный период в археологии Нижнего Поволжья на долгие годы и в полном одиночестве остается крупная фигура профессора Саратовского университета И. В. Синицына. Увлеченность полевого исследователя, доходившая порой до страстности и самозабвения, определила своеобразный стиль работы этого ученого. Огромный объем накопленного материала каждого полевого сезона и толстые тома отчетов позволяли в лучшем случае подготовить публикации памятников. И. В. Синицын известен как ученый-полевик. На материалах его послевоенных раскопок, ставших классическими, современники и последователи создали многие периодизационные схемы по нижевожским археологическим культурам.

В 1945 г. И. В. Синицын возобновляет изыскания в Заволжье. Проводятся разведки и охранные раскопки на трассе газопровода «Саратов – Москва». Тогда же имели место разведочные сборы на дюнах у с. Теликовка и у озера Ильмень в Духовницком районе Саратовской области. Эти работы не входили в экспедиционные планы, они носили случайный характер, и может быть поэтому весьма своеобразные материалы Ильменя и Теликовки так и остались в музейных вспомогательных фондах. Тогда же снаряжались экспедиции в ранее не изученные районы Северного Прикаспия, в низовья Большого и Малого Узеней.

Среди многочисленных памятников Узеней и Камыш-Самарских разливов были встречены и срубные селища [Синицын И. В., 1952. С. 62–65; он же, 1950. С. 100–104; он же, 1951. С. 97–101]. Все они представляли собой кратковременные сезонные стоянки дюнного типа. В песчаных выдувах, среди керамических остатков различных эпох и культур, были найдены фрагменты типично срубных сосудов. Особый интерес представляют

находки из дюнного района Сор-Айдын. На этой керамике заметны признаки восточных влияний, отмеченные автором как подтверждение культурной общности срубных и андроновских племен [Синицын И. В., 1959. С. 8].

Размах послевоенного гидростроительства в Нижнем Поволжье привел к необходимости срочных спасательных работ на всем нижнем течении Волги, особенно в левобережных районах от г.Энгельса до г.Волжского. В связи с этим в 1951 г. Институт истории материальной культуры организует работу Заволжского (руководитель И. В. Синицын), Нижневолжского (К. Ф. Смирнов) и Калиновского (В. П. Шилов) отрядов Сталинградской археологической экспедиции [Синицын И. В., 1959. С. 39–205; Смирнов К. Ф., 1959. С. 206–322; Шилов В. П., 1959. С. 323–523]. Одновременно с крупномасштабными раскопками курганных могильников были обследованы и частично раскопаны несколько срубных поселений. В 1952 г. около с. Бережновка, на левом берегу Еруслана, близ места впадения его в Волгу, И. В. Синицын раскопал остатки селища, почти полностью разрушенного весенними паводками. Среди обломков глиняной посуды преимущественно баночной формы и костей животных он обнаружил фрагмент формы для отливки стержней, глиняное сопло и сплески медного литья [Синицын И. В., 1959. С. 128, рис. 38, 4]. Автор не указывает прямо на связь Бережновского поселения с известным могильником, слишком мало находок содержали остатки культурного слоя. Он лишь отмечает типичность найденных здесь сосудов и для курганных захоронений второй половины II тыс. до н.э., а также подчеркивает наличие местной металлообработки у срубных племен [Синицын И. В., 1959. С. 128].

Тогда же, во время разведочной поездки по проектируемой трассе канала «Волга-Урал», были выявлены сезонные дюнные стоянки в районе с. Урда, а также вновь обследованы дюны в низовьях Узеней и Камыш-самарских озер. Здесь была отмечена интересная закономерность расположения курганных групп и дюнных стойбищ на значительном удалении от речных систем. Это позволило предположить, что в эпоху бронзы в степях и полупустынях мог развиваться своеобразный азиатский тип скотоводческого хозяйства, тяготевшего к древним, забытым ныне колодцам.

Раскопочные работы на срубном селище у с. Скатовка Ровенского района Саратовской области были очень незначительны. И. В. Синицын отмечает обнаруженные на поверхности жилищные западины и небольшое количество керамики, зафиксированной в раскопе. Памятник отнесен к «позднесрубному» времени [Синицын И. В., 1959. С. 177].

На селище у с. Краснополье участники экспедиции лишь собрали подъемный материал – небольшое количество керамики, украшенной защипами, прочерченными и гребенчатыми линиями, различными оттисками [Фонды СОМК].

В то же время В. П. Шилов исследовал срубное поселение около с. Новоникольское Быковского района Сталинградской области. Коллекция Новоникольского поселения представлена в основном керамикой с типичной геометрической орнаментацией, а также глиняным цилиндрическим пряслицем и каменным уплощенным пестиком [Шилов В. П., 1959. С. 323].

В 1955 г. Т. Б. Попова исследовала два срубных поселения у с. Быково. На поселении Быково 1 исследованы две землянки прямоугольной формы с очагами открытого типа и выходом в боковую сторону. В культурном слое и в постройках были обнаружены многочисленные фрагменты глиняной посуды, кости животных и различные орудия. Анализируя керамику, исследовательница отмечает небрежность выделки сосудов и примитивизм орнаментации. Указано, в частности, на преимущество простых баночных форм, наличие крупных корчаг, орнаментацию в виде крестов, овальных и круглых вдавлений, треугольников. В одном жилище был найден обломок бронзового желобчатого браслета, который отмечен автором как типичный предмет инвентаря срубной и андроновской культур. Т. Б. Попова отнесла жилище к последней четверти II тыс. до н.э., подтверждая данную датировку аналогиями в средневожских поселенческих памятниках [Попова Т. Б., 1960. С. 237].

Керамика поселения Быково 2 мало чем отличалась от предыдущего комплекса. Но здесь был найден фрагмент сосуда с налипным валиком, покрытым косыми насечками, что позволило автору отнести памятник к финалу срубной культуры. Интересно то, что керамика, аналогичная быковской, была обнаружена на близлежащих дюнных стойбищах сезонного характера.

Основными результатами работы Сталинградской экспедиции стали исследования крупнейших курганных могильников Нижнего Поволжья. На фоне многочисленных находок из курганов бедный поселенческий материал выглядел невыразительно. Большинство поселений здесь уже было уничтожено весенними паводками. В культурно-хронологической интерпретации древностей из зоны затопления поселениям было отведено крайне мало места. Тем не менее они все же несли информацию о степени заселенности волжского левобережья, о характере занятости населения, о типе жилья, керамическом материале, составе стада, позволили соотнести некоторые материалы с погребальными комплексами.

В 1958 г. И. В. Сеницын вновь обращается к крупномасштабным исследованиям срубных поселений степного Волго-Уралья. Он предпринял раскопки нескольких памятников в верхнем течении Большого Узенья в окрестностях сел Осин-Гай и Новорепное [Сеницын И. В., 1969. С. 196–207]. В течение трех полевых сезонов было вскрыто 1500 кв. м площади памятника. Были выявлены три земляночных котлована, частично разру-

шенных береговыми оползнями, и хозяйственная яма. По мнению автора, характер устройства жилищ, в общем, был аналогичен постройкам Максютковского и Успенского поселений. На полу и в заполнении котлованов были найдены фрагменты и развалы сосудов, костяные тупики, пряслица, различные предметы из камня и кости. В хозяйственной яме обнаружены две целые корчаги. Благодаря послойной разработке культурных отложений была отмечена такая интересная деталь, как наличие на межземляночном пространстве открытых летних кострищ, залежавших на различной глубине, что свидетельствовало о сравнительно продолжительном обитании людей на одном селище.

Самому массовому материалу – керамике дана довольно подробная характеристика с учетом сведений о параметрах и технике выделки, а также о формах сосудов и декоре. Вся посуда лепная, с примесью песка, шамота и растительных компонентов. Сосуды имеют плоское днище, по форме подразделяются на баночные и остросереберные, а по размерам распадаются на три группы: крупные корчаги высотой до 40 см, баночные и остросереберные сосуды до 20 см и мелкие баночные сосудики от 6 до 10 см высотой. Орнамент представлен различными прочерченными горизонтальными и наклонными линиями, зигзагами, штрихованными треугольниками, клиновидными и подтреугольными вдавлениями. Отмечено, что украшались обычно остросереберные и округлобокие сосуды.

По находке в культурном слое бронзового втульчатого наконечника стрелы с грубым двусторонним литейным швом и узкими лопастями памятник отнесен к финалу срубной культуры [Синицын И. В., 1969. С. 206].

Одновременно были открыты и частично исследованы два селища у с. Новорепное и поселение Осинов-Гай 2. Были выяснены такие показатели, как размеры памятников, мощность культурного слоя, характер керамического материала, в целом весьма схожего с представительным комплексом из Осинов-Гая 1.

В 50-60-х гг. вместе с профессором Синицыным работала группа его учеников: В. А. Фисенко, Е. К. Максимов, В. Г. Миронов, Ю. В. Деревягин, Л. П. Крылова. Им принадлежит ряд самостоятельных открытий и разработок, связанных также и с проблемами срубных поселений. Особо следует выделить работы Ю. В. Деревягина в Саратовском Заволжье в 60-х гг. Сотрудник Областной детской экскурсионно-туристской станции (ныне Областной центр дополнительного образования), он стал одним из первых организаторов детских археологических кружков в Саратове. Ему принадлежат и первые методические разработки кружковой работы, где приведен список поселений срубной культуры, которые он открыл на Волге и ее степных притоках [Деревягин Ю. В., 1976].

Талантливый исследователь проводил целенаправленные поиски срубных поселений в бассейнах рек Саратовки, Большого и Малого Узеней,

Алтаты. Совместно с Е. В. Черкасовой он выявил на Алтате свыше 20 памятников эпохи бронзы. На поселении Алтата 1 были проведены охранные раскопки и расчищены остатки жилища [Деревягин Ю. В., 1968. Л. 3; он же, 1966. С. 84–86; он же, 1973. С. 96–100].

Сплошное обследование рек степного региона вплотную подводило ученого к такому аспекту изучения поселений, как соотношение долговременных стационарных селищ и временных сезонных стоянок, оставленных одним населением. Его полевая деятельность характеризовалась тщательностью фиксации раскапываемого материала, аккуратностью и даже скрупулезностью оформления полевой документации. Научные разработки и публикации Ю. В. Деревягина представляли его как перспективного исследователя. Но окончательному становлению ученого помешала преждевременная смерть.

Рассматривая проблематику срубных поселений через призму теоретических концепций тех лет, необходимо заметить, что наиболее фундаментальным исследованием, своего рода итогом изучения срубной культуры к середине 50-х годов была работа О. А. Кривцовой-Граковой, где она на основании погребальных памятников и поселений предложила собственную схему зарождения, становления и развития срубной культуры на обширной территории от Южного Урала до Северного Причерноморья [Кривцова-Гракова О. А., 1955]. В вопросе генезиса автор опирается на выделенную в свое время П. Д. Рау (на основе стадии «А» хвалынской культуры П. С. Рыкова) полтавкинскую ступень (Poltavker Stufe) [Rau P., 1928. S. 13], называя ее, впрочем, полтавкинской культурой [Кривцова-Гракова О. А., 1955. С. 10] и отводя ей роль основного генетического корня срубной культуры Поволжья. С таким определением не соглашались некоторые исследователи [Синицын И. В., 1959. С. 177]. Несколько позже выделение полтавкинской культуры было обосновано Н. К. Качаловой [Качалова Н. К., 1967].

Центр зарождения срубной культуры О. А. Кривцова-Гракова помещает в Волго-Уральском междуречье, откуда, сформировавшись в XV в. до н.э., срубные племена двинулись на запад, достигнув к XII в. до н.э. Северного Причерноморья и получив там дальнейшее развитие в виде сабатиновского и белозерского этапов. Для Поволжья автор гипотезы выделяет два периода в развитии срубной культуры: XV–XIII вв. до н.э. – время, в которое помещаются все известные в степном Заволжье поселения, и XIII–X вв. до н.э. – период, когда на срубных поселениях правобережья появляется валиковая керамика, постепенно вытеснившая собственно срубную [Кривцова-Гракова О. А., 1955. С. 38].

Несомненным достоинством монографии О. А. Кривцовой-Граковой следует признать плодотворное использование в исследовании материалов поселений. А тезис о традиционной архаичности погребальной керамики, в

сравнении с одновременной ей поселенческой, является красноречивой рекомендацией к использованию в разработке вопросов периодизации и хронологии в первую очередь той посуды, которая происходит из раскопок бытовых комплексов [Кривцова-Гракова О. А., 1955. С. 26]. Концепция О. А. Кривцовой-Граковой была принята многими исследователями. В ее духе написаны многие работы тех лет, а некоторые были попытками творческого развития отдельных положений.

Так, анализируя процесс замещения срубного комплекса на валиковый, Ю. В. Деревягин и Р. М. Симонов приходят к выводу о массовом перемещении срубного населения Волго-Уральской степи в правобережье в конце эпохи поздней бронзы [Деревягин Ю. В., Симонов Р. М., 1971. С. 37]. Основной аргумент – отсутствие в глубинных районах степного Заволжья памятников с валиковой керамикой, вероятно, предполагал образование здесь временного hiatus либо приход раннескифского населения.

Что касается И. В. Сеницына, раскопавшего в Заволжье наибольшее количество срубных поселений, то в вопросах происхождения и развития срубной культуры он оставался на своих прежних позициях. Памятники полтавкинской ступени (культуры) он считал раннесрубными и датировал их первой половиной II тыс. до н.э. Уже после появления обобщающего труда О. А. Кривцовой-Граковой, раскопав целую серию новых селищ на Большом Узене, а затем поселение Гуселка 2 около Саратова, профессор Сеницын продолжал относить все заволжские памятники к позднесрубному времени, которое он определял рамками второй половины II тыс. до н.э. [Сеницын И. В., Фисенко В. А., 1972. С. 28].

В начале 70-х гг. ушли из жизни почти все ведущие специалисты саратовской школы – И. В. Сеницын, Ю. В. Деревягин, В. А. Фисенко, и это отрицательно сказалось на археологии Нижнего Поволжья. Полевые исследования в это время осуществлялись исключительно силами студенческой практики в пределах Саратовской области. Только в 1975 году Л. Л. Галкин, возглавлявший Средневожскую новостроечную экспедицию ИА АН СССР, частично исследовал срубное поселение на левом берегу Волги у с. Анисовка, а два года спустя Н. М. Малов, в составе той же экспедиции, обнаружил несколько разрушаемых селищ около с. Натальино Балаковского района Саратовской области [Галкин Л. Л., Ким М. Г., Ледяйкин В. И., Мельник В. И., Хреков А. А., 1976. С. 176; Галкин Л. Л., Ким М. Г., Малов Н. М., Мельник В. И., 1978. С. 165].

Затишье в изучении поселенческих памятников Заволжья продолжалось вплоть до 1978 года, когда в Саратовском университете была создана Научно-исследовательская археологическая лаборатория. С этого момента изыскания и раскопки саратовских археологов сосредоточены в районах ирригационного строительства, широко развернутого в заволжских степях.

Корректировка планов мелиорации с научными археологическими исследованиями позволила эффективно наладить охранные мероприятия в зонах сооружения оросительных систем. Параллельно проводится сплошное обследование районов Саратовской области с целью создания Археологической карты и Свода памятников. Целенаправленное изучение бассейнов рек позволяло максимально полно составить информацию о наличии срубных поселений. Разведочные отряды Археологической лаборатории СГУ, которыми руководили Н. М. Малов, В. А. Лопатин, В. Б. Воробьев, А. И. Юдин, С. И. Четвериков, в течение 80-х гг. обследовали бассейны рек Еруслана, Большого и Малого Иргизов, Деркула, Саратовки, Большого и Малого Караманов, Узеней, и эти работы существенно пополнили банк данных об археологических памятниках степного Волго-Уралья. К настоящему времени в регионе известно более 200 поселений срубной культуры, на многих проводились раскопки.

В 1981–1982 гг. В. А. Лопатин частично исследовал поселение у поселка Мирный (Фриденберг) Ровенского района Саратовской области. В культурном слое, помимо костей животных и обломков лепной посуды, были найдены каменные и костяные орудия, из которых наиболее интересна рукоять с резным геометрическим орнаментом. На северном краю селища расчищен ритуальный комплекс, представляющий собой систему из трех костровых ям, окруженных столбовыми ямками. Здесь насыщенность слоя керамикой и золой была особенно плотной. Поселение отнесено к развитому периоду срубной культуры [Лопатин В. А., Миронов В. Г., 1982. С. 154–156].

В это же время И. И. Дремов обнаружил несколько поселений на левом берегу Волгоградского водохранилища в районе сел Смеловка и Новопривольное, одно из которых (Смеловка 1) было полностью раскопано Н. М. Маловым с 1983 по 1987 гг. [Дремов И. И., 1981. С. 145–146; Кочерженко О. В., Малов Н. М., 1985. С. 155–156; Малов Н. М., 1986. С. 139]. Раскопками выявлены котлованы трех построек каркасно-столбовой конструкции с очажными ямами и развалами крупных корчаг. Между жилищами расчищены хозяйственные ямы, а также ритуальные захоронения человека и животных. Наряду с посудой срубного облика здесь обнаружена керамика федоровской и хвалынской культур. Из прочего инвентаря наиболее интересны костяные предметы, в частности наконечник стрелы карасукского типа и поясная пряжка, находящая аналогии в черкасульских материалах.

В 1983 году В. А. Лопатин раскопал два селища в среднем течении Малого Карамана. Остатки культурного слоя на поселении Чапаевка 2 содержали обломки преимущественно баночной посуды с крайне бедной орнаментацией, среди которых встречались фрагменты с реликтовыми признаками предшествующих эпох (отгиски перевитого шнура, чеканная елочка).

Сочетание неразвитого срубного комплекса с архаичными элементами позволило отнести материалы Чапаевки 2 ко времени начального становления срубной культуры в Заволжье [Лопатин В. А., 1989. С. 137–139]. Этому выводу не противоречил и уровень развитости строительной традиции, отмеченный на примере исследованной здесь постройки хозяйственного типа. Аморфный котлован без стационарного очага, без выделенных конкретно признаков входа почти не содержал материала. Здесь не зафиксировано ни одной столбовой ямки, поэтому реконструкция строения была практически невозможна. Очевидно, строительная техника обитателей поселения находилась еще в стадии формирования.

Поселение Чапаевка 3, расположенное на противоположном берегу Малого Карамана, было частично исследовано раскопом в 160 кв. м. Культурный слой, плотно насыщенный керамикой и костями животных, содержал все традиционные формы посуды, хорошо и разнообразно орнаментированной. Памятник отнесен к развитому срубному времени [Лопатин В. А., 1983. С. 158–159].

Поселение Озинки 1 было выявлено В. А. Лопатиным в 1977 году. На поверхности памятника отчетливо были заметны котлованы нескольких крупных построек. В 1984 году здесь заложен раскоп площадью 406 кв. м. В основе культурного слоя содержатся материалы неолита-энеолита, а верхние отложения заполнены керамикой срубного типа, среди которой встречены фрагменты с глубокими наколами, образующими с обратной стороны выпуклости – «жемчужины». Аналогичная деталь орнаментации до этого была известна лишь на керамике двух срубных поселений – Натальино и Резвое [Лопатин В. А., 1986. С. 137; Галкин Л. Л., Ким М. Г., Малов Н. М., Мельник В. И., 1978. С. 165; Юдин А. И., 1984. Рис. 41, 42, 43, 1–11]. Кроме того, в озинском керамическом комплексе присутствует несколько фрагментов с налипными валиками. С одной стороны, сочетание здесь таких элементов указывает на время бытования памятника – финал эпохи бронзы. А с другой – позволяет наметить для степной позднесрубной культуры несколько иные тенденции развития, отличные от лесостепного варианта и несогласующиеся с выводами Ю. В. Деревягина и Р. М. Симонова.

Тогда же, в 1984 году, Г. Л. Якубовский проводил разведки по притокам Алтаты и выявил несколько срубных селищ степного характера, что существенно дополнило информацию, полученную в 60-х гг. Ю. В. Деревягиным и Е. В. Черкасовой [Якубовский Г. Л., 1986. С. 164].

В 1985–1988 гг. В. А. Лопатин исследовал поселение Преображенка 1, открытое еще А. И. Тереножкиным и К. И. Журавлевым. Памятник находится в среднем течении Большого Иргиза, по соседству с известным Успенским поселением, раскопки которого были начаты А. И. Тереножкиным и много позже закончены И. В. Сеницыным. За четыре полевых

сезона было вскрыто почти 1500 кв.м, выявлены три постройки и среди них литейная мастерская с арычной системой водоснабжения, комплекс хозяйственных ям и ритуальное погребение человека, связанное с фактом возведения постройки. Кроме того, раскопаны три кургана в близлежащем могильнике, который рассматривается как связанный с поселением некрополь.

Керамический комплекс поселения и погребальная посуда из могильника демонстрируют определенное сходство по формам и орнаментации. Бытовая керамика характеризуется разнообразием декора, а также наличием различных реликтовых и инокультурных компонентов в виде оттисков шнура и елочки, покровских форм, налепных треугольных в сечении валиков, каннелюров, характерных для петровской посуды. В построечных комплексах обнаружены бронзовые тесло и игла, фрагменты каменных сверленных топоров, костяные пряслица и инструменты для выделки кож, отходы металлургии (шлаки и сплески меди), фрагмент литейной формы для отливки тесла, обломки сопла и тигля, части металлического литого сосуда.

Общий характер материала, и особенно керамика, позволяют отнести памятник к раннесрубному времени, когда уже сложившиеся в культурном отношении срубные племена активно взаимодействовали с синхронными сопредельными культурами и не совсем еще изжили некоторые архаичные признаки.

После появления обобщающего труда О. А. Кривцовой-Граковой, благодаря полевым изысканиям различных исследователей в Поволжье, Приуралье, Подонье и на Украине, был получен новый обширный материал, который требовал иного осмысления проблемы. Конкретным результатом нового подхода стала постановка Н. Я. Мерпертом вопроса о срубной культурно-исторической области как всеобъемлющем понятии об исторических корнях и преемственности, развитии и взаимодействии срубных племен. Оригинальная идея о чередовании периодов дифференциации и интеграции в развитии племен эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии предлагала ключ к пониманию феномена уникального единства срубной культуры на обширнейшей территории [Мерперт Н. Я., 1985. С. 7-9]. Не отрицая неизбежных процессов миграционного характера из какого-либо первоначального ядра становления, возможных ассимиляций и взаимопроникновения, автор подчеркивает доминанту общеисторических закономерностей в развитии различных этнических групп, проживавших в сходных природно-климатических условиях и практиковавших одинаковые формы производящего хозяйства.

Очень важен вывод исследователя о неоспоримости факта зарождения и становления срубной культуры в ее первоначальном виде именно в Волго-Уральском междуречье. Этот момент подчеркивается и развивается

единомышленниками Н. Я. Мерперта. Проведенное ими картографирование раннесрубного пласта наметило примерный ареал становления культурного ядра – Волго-Уральская степь и южные районы поволжской лесостепи [Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б., 1985. С. 11, 16]. Выделяя общую подоснову формирования – древнеямную культуру Волго-Уральского междуречья, авторы рассматривают период протекавшей затем в эпоху средней бронзы дифференциации как процесс активного взаимодействия местной полтавкинской культуры – прямого продолжения ямной – с абашевской, катакомбной, протопетровской. Конкретным результатом этого сплава явилось возникновение раннесрубных комплексов, синхронных петровско-новокумакским памятникам на востоке [там же. С. 23]. Так начинается период новой интеграции степных и лесостепных племен, складывается срубная культурно-историческая общность и родственная ей общность андроновских культур.

В это же время в духе новой концепции были разработаны новые периодизационные схемы для нижневолжского, средневолжского, приуральского, среднедонского и нижнедонского вариантов срубной общности. Схема Н. К. Качаловой, касающаяся степных поселений Нижнего Поволжья, имеет трехчленную структуру и несколько расходится с периодизацией погребальных памятников, состоящей из четырех этапов. Автор разделяет весь массив поселенческих памятников на две группы: стационарные поселки с жилищами, относительно мощными культурными отложениями и временные стоянки сезонного характера, без культурных слоев и построек. Она связывает различие в характере поселений с территориальным районированием палеоэкономики и утверждает, что временные стойбища более свойственны полупустынной аридной зоне Заволжья, где доминировало подвижное скотоводство, а пастушеско-земледельческий тип хозяйства был невозможен [Качалова Н. К., 1985. С. 38].

В качестве характерных признаков для поселений первого этапа (Покровское, Сазды 2, Кошелак 1, Исекей) автор указывает наличие в керамике пережиточных полтавкинских, а также синхронных петровско-новокумакских элементов и отдельных показателей культуры многоваликовой керамики (КМК), что хронологически соответствует XVI–XV вв. до н.э.

Для второго этапа (Максютово, Успенка, частично Покровское и Кошелак 1, Красный Октябрь, Бережновское 1, Александров-Гайское 1, Конур-Кудук 1, Джамбул) характерны землянки крупных размеров, алакульские элементы в керамике, а в синхронных погребальных комплексах встречаются бронзовые ножи с ромбической пяткой черешка, сейминские копья, желобчатые псалии, костяные орнаментированные кольца и наконечники стрел со скрытой втулкой. Второй этап датирован XV–XIV вв. до н.э.

Третий этап (Осинов-Гай 1, Быково 1, 2, Александров-Гайское 2, Бережновское 2, Сор-Айдын, Новая Казанка, частично Сазды 2) характеризуется сосудами вертикальных пропорций с узкими орнаментальными поясами, костяными и бронзовыми наконечниками стрел, а в погребениях изредка находятся бронзовые двулезвийные ножи. Датируется третий этап XIII–XII вв. до н.э. [Качалова Н. К., 1985. С. 40–46].

Рассматривая вопрос становления лесостепного средневожского варианта срубной культуры, И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина и А. П. Семенова указывают в качестве двух основных его генетических корней полтавкинскую и абашевскую культуры. По мнению авторов, их активное взаимодействие при участии КМК привело к возникновению в лесостепи памятников покровского типа, которые и составили здесь раннесрубный пласт, синхронный раннесрубному бережновскому в Нижнем Поволжье [Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П., 1985. С. 73].

Между тем Н. К. Качалова считала тогда, что чисто срубный бережновский горизонт в Нижнем Поволжье по времени предшествовал срубно-абашевскому, или покровскому периоду [Качалова Н. К., 1978. С. 58–60]. А. Д. Пряхин также предполагал, что в Заволжье должен был развиваться ранний, чисто срубный пласт, предшествовавший поздним доно-вожским абашевцам [Пряхин А. Д., 1980. С. 24].

Сопоставление характерных особенностей полтавкинских погребальных комплексов с раннесрубными бережновскими и особенно с материалами срубных поселений заставляет рассматривать их возможную преемственность как более сложный процесс. Причина тому – их существенное различие. Так складывается еще одно предположение относительно происхождения срубной культуры на ее традиционной прародине. Это явление представлено как резкая культурная переориентация, предполагавшая не только мощный поток диффузии или активное взаимодействие, но и вероятные миграции [Мельник В. И., 1978. С. 56–57; он же, 1985. С. 18–19]. Достаточно яркой иллюстрацией этой резкой смены служит феномен срубных поселений, внезапность их возникновения и культурная целостность. Сам принцип оседлости – явление новое на протяжении всей эпохи бронзы в степном Заволжье – конкретизируется только этим видом памятников [Лопатин В. А., 1989. С. 137]. Вероятно, им предшествовал еще более ранний период развития срубной культуры, когда практиковались подвижные формы животноводства, полностью исключавшие длительное проживание на одном месте [Пярых Г. Г., 1978].

Разработку периодизационных схем развития срубной культуры Поволжья, Приуралья и Подонья в начале 80-х гг. следует рассматривать как значительное событие в изучении истории племен эпохи поздней бронзы. Это был новый, качественно более высокий уровень развития проблемы. Представленные не постулатами, а как рабочие версии, находящиеся в по-

стоянном развитии, эти периодизации выглядят жизнеспособными и перспективными. Их почти одновременное создание было обусловлено стремлением всех исследователей зафиксировать на данном этапе обширный накопленный материал, прийти к общему знаменателю, на базе которого со временем появится крупный обобщающий труд по срубной культурно-исторической общности.

В 1988–1989 гг. Н. М. Малов частично исследовал поселение Чесноково 1 в среднем течении Деркула, правого притока Урала. В раскопе выявлен котлован трехкамерной постройки, которая представляла собой конструктивное развитие типов жилищ, зафиксированных на Успенском и Преображенском поселениях. Значительные изменения отмечены не только в решении каркасно-столбовой конструкции, но и в организации внутренней планировки, где четко обозначены жилое помещение с домашним святилищем, хозяйственные и подсобные площади.

В хорошо развитом керамическом комплексе, типичном для степной срубной культуры, фиксируются пережиточные покровские элементы, в значительной степени уже сnivelированные, а также некоторые алакульские признаки в декоре. находка в жилище крупной мотыги из кварцита, возможно, свидетельствует о занятии обитателей поселка примитивным земледелием. Помимо этого в круг натурального хозяйственного цикла входило пастушеское животноводство, что подтверждается множеством найденных здесь костей животных. В зимнее время молодняк скота содержали в боковой пристройке жилища. Вероятно, на стадии развития поселенческих комплексов, подобных чесноковским, срубная культура степного Волго-Уралья завершает процесс своего становления и вступает в развитый период.

С этого времени начинаются контакты степного населения не только с племенами лесостепи, но и с древними земледельческими культурами Средней Азии.

Среди изученных в разной степени поселений степного Заволжья лишь на одном памятнике зафиксирован случай прямой стратиграфии в рамках эпохи поздней бронзы. Речь идет о Трумбицком поселении, раскопанном автором около г. Энгельса в 1990–1991 гг. В основе селища построечный комплекс раннесрубного времени. Полуземляночное жилище каркасно-столбовой конструкции отражает неразвитость местной строительной традиции (стенки котлована неровные, слабо обозначен вход, столбы опор не зарыты в грунт). С напольной стороны постройка защищена глинобитной стенкой, предохранявшей котлован от стекавшей с террасы дождевой воды, и это также свидетельство несовершенства строительного дела – неудачно выбрано место для жилья. Непосредственно с постройкой связан керамический комплекс, весьма близкий «бережновским» типам посуды, выделенным Н. К. Качаловой для характеристики ее первого этапа срубной

культуры Нижнего Поволжья. Керамика, найденная на полу постройки из Трумбицкого, характерна приземистыми пропорциями, заходом орнаментальных зон на нижнюю часть тулова, сглаженностью резких профилей реберчатых сосудов.

В верхнем слое памятника обнаружена типичная покровская керамика колоколовидных форм, с примесью толченой раковины, покрытая расчесами, с характерными элементами орнамента.

Такое стратиграфическое соотношение материала может свидетельствовать о приходе в степную зону Заволжья синкретичного покровского населения в то время, когда здесь уже проживали оседлые племена. Но если учесть не самый ранний облик керамики из покровского слоя Трумбицкого, можно предположить также совместное (чересполосное) проживание в одном регионе двух различных этно-культурных групп, попеременно занимавших одни и те же экологические ниши. Так или иначе, Трумбицкое поселение ярко иллюстрирует некоторые моменты ранней истории срубной общности, по поводу которых на рубеже 80–90 гг. вновь разгорелась острая дискуссия.

С открытием в Среднем Поволжье памятников потаповского типа и синташтинских комплексов в лесостепном Зауралье были получены материалы, в определенной степени заполняющие лауну в культурогенетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Это позволило самарским исследователям поставить вопрос о генетической преемственности лесостепной раннесрубной культуры Поволжья и раннеалакульской культуры Зауралья от синкретичного потаповско-синташтинского пласта, который они датировали рубежом XVII–XVI вв. до н.э. [Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1991. С. 9–10]. Абашевское участие в формировании ранних срубников представлялось ими теперь как опосредованное через потаповские комплексы. Если считать, что под раннесрубными здесь подразумеваются памятники покровского (срубно-абашевского) типа, следует закономерный вывод об отсутствии какого-либо родства между раннесрубными (покровскими) племенами лесостепи и раннесрубными (бережновскими) степными племенами.

Между тем памятники покровского типа, известные не только в поволжской лесостепи, но и на обширнейшей территории от Дона до Урала, в том числе в степной зоне, другие исследователи были склонны синхронизировать с Синташтой, ранней Петровкой и Потаповкой [Малов Н. М., 1991. С. 53; Лопатин В. А., 1991. С. 25; Кочерженко О. В., Слонов В. Н., 1991. С. 17–18]. Н. М. Малов, подробно проанализировавший покровские материалы Нижнего Поволжья, пришел к выводу о самостоятельности данных комплексов и целесообразности выделения покровской культуры из доно-волжского абашевского и нижеволжского срубного массивов. По мнению автора, покровская культура развивалась с XVI в. до н.э. синхрон-

но с раннесрубной и на одной территории с ней. Отсутствие в степной зоне поселений со срубно-абашевской керамикой объясняется подвижным характером животноводческого хозяйства местных покровцев [Малов Н. М., 1991. С. 53].

Напомним, что о синстадиальности срубных (хвалынских) и покровских комплексов (стадии «В» и «С») писал еще П. С. Рыков, подразумевая под этим две параллельные в развитии, самостоятельные культурные линии эпохи поздней бронзы [Рыков П. С., 1927. С. 80]. Фабула «двух линий развития» в разработке концепции о соотношении покровских и раннесрубных памятников, предложенная О. В. Кочерженко и В. Н. Слоновым, несколько отлична от рыковской транскрипции. Построенная на правобережных материалах, эта версия иллюстрирует процесс становления и развития раннесрубных племен в условиях активного взаимодействия с населением Подонья и Средней Волги, оказавшего существенное влияние на их последующую историю [Кочерженко О. В., Слонов В. Н., 1991]. Е. П. Мыськов, отмечая существенные различия раннесрубных материалов двух соседних регионов – степного и лесостепного, приходит к мнению о существовании на рубеже эпох средней и поздней бронзы двух различных культурообразующих источников. Если лесостепные памятники покровского типа формируются при участии абашевской культуры и КМК (здесь отмечаются также потаповские и петровские признаки), то степные бережновские памятники в процессе своего становления никогда не испытывали влияний лесостепных культур [Мыськов Е. П., 1991. С. 29].

Тезис О. А. Кривцовой-Граковой о формировании первоначального ядра срубной культуры в степном Волго-Уралье пока не получал аргументированного альтернативного решения. Продуктом естественного развития этой протоструктуры стали памятники бережновского типа, выделенные Н. К. Качаловой и затем включенные в первый этап развития нижеволжской срубной культуры, которые распространились в Приуралье и лесостепные районы Доно-Поволжья. Здесь, в результате активного взаимодействия пришельцев с племенами абашевских культур, при более или менее значимом участии КМК, петровской культуры и остаточных реликтов лесостепной полтавкинской культуры, формируются яркие синкретичные покровские комплексы. Причем представляется, что в большей степени этот процесс затронул социально значимые группы населения. В то время как в степи ничто не нарушало естественного развития чисто срубной культуры, в лесостепной зоне распространяются памятники смешанного срубно-абашевского типа.

Таким образом, уже в XVI в. до н.э. волго-уральская степь и лесостепные районы Волго-Донского междуречья становятся гигантским регионом, где формируются и развиваются два локальных варианта единой срубной культуры [Лопатин В. А., 1995]. Эти события происходили на фоне непре-

рывного взаимодействия степных срубных племен с лесостепными срубными новообразованиями. Правда, контакты имели место по большей части в приграничных зонах степи и лесостепи. Именно этим можно объяснить тот факт, что срубные поселения Заволжья, на которых фиксируются покровские признаки, расположены именно в контактной зоне и вдоль Волги. Обратный массированный инфильтрат срубно-абашевского населения в степные районы вряд ли был возможен. Слишком плотно уже были заняты экологические ниши степи местными племенами. А престижные погребальные комплексы покровского типа, характеризующиеся пышностью обряда, обилием инвентаря и синкретичной керамикой, были оставлены в степном Волго-Уралье скорее всего местной родоплеменной знатью, более охотно воспринявшей на определенном этапе «модные» элементы культуры.

Столь разные точки зрения многих исследователей по вопросу раннего становления срубной культуры – отражение в какой-то степени кризисного состояния проблемы. Ее решение вряд ли под силу одному специалисту. Огромный банк информации, накопленный в результате столетнего изучения срубной культуры, ставит перед отечественной наукой множество задач по целому ряду аспектов исследования (культурогенез и становление, периодизация и хронология, керамический комплекс и типология инвентаря, хозяйственный уклад, ремесло и строительное дело, социальная структура и демография, взаимодействие с сопредельными регионами, природно-географическая среда и антропогенный фактор), которые требуют усилий творческого коллектива исследователей.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце 80-х годов археологами Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга и Волгограда, которые под научным руководством Н. К. Качаловой собрали новые и неопубликованные материалы срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья в Своде археологических источников. Большое место в работе отведено поселенческим памятникам, фиксирующим развитие степной срубной культуры от периода становления до финального этапа.

ГЛАВА II

Природно-географическая среда

Жизнедеятельность первобытных социумов тесным образом была связана с природно-географической средой. Даже переход к производящим формам хозяйства не оторвал человека от экологического фона, существенно влиявшего на становление типов производства. Сама природа, подверженная определенным колебаниям, контролировала экономическое районирование. Различия в способах производства, образе жизни первобытных общин и производимых ими продуктах были прямым следствием разницы в окружающей их природной среде [Маркс К., 1960. С. 364]. Даже незначительные изменения природно-климатических условий приводили к хозяйственной переориентации, а порой и к массовым миграциям племен.

Волго-Уральское междуречье, ограниченное естественными природными рубежами на востоке (р. Урал), юге (Каспийское море) и западе (р. Волга), подразделяется на четыре провинции четырех природно-географических зон, простирающихся в широтном направлении: заволжскую провинцию лесостепной зоны, заволжскую провинцию степной зоны, прикаспийскую провинцию полупустынной зоны и северокаспийскую провинцию зоны пустынь умеренного пояса [Мильков Ф. Н., 1974. С. 22–24]. Предметом нашего интереса являются три последние провинции, и таким образом северной границей региона оказывается линия, разделяющая лесостепную и степную зоны. Ф. Н. Мильков проводит ее от предгорий Южного Урала в западном направлении южнее Самарской Луки и далее вдоль Волги до широты г. Энгельса, включая в лесостепную зону часть саратовского левобережья с нижними течениями рек Чагры, Малого и Большого Иргизов, а также Большого Карамана.

Заволжская провинция степной зоны включает в себя низменное террасовое Заволжье, Общий Сырт и Предуральское плато. Ее поверхность поднимается с запада на восток от 100–150 до 300–400 м над уровнем моря. В том же направлении изменяется возраст слагающих ее коренных пород – от неогеновых и мезозойских до пермско-триасовых и пермских. Широкие и глубокие долины маловодных рек пересекают провинцию на резко асимметричные увалы-сырты. Рыхлые четвертичные наносы распространены только на террасовом низменном Заволжье. К востоку от него, на вершинах сыртов, прямо на поверхность выходят плотные коренные породы. Поэтому здесь мало свежих крутостенных оврагов.

ГЛАВА II

Природно-географическая среда

Жизнедеятельность первобытных социумов тесным образом была связана с природно-географической средой. Даже переход к производящим формам хозяйства не оторвал человека от экологического фона, существенно влиявшего на становление типов производства. Сама природа, подверженная определенным колебаниям, контролировала экономическое районирование. Различия в способах производства, образе жизни первобытных общин и производимых ими продуктах были прямым следствием разницы в окружающей их природной среде [Маркс К., 1960. С. 364]. Даже незначительные изменения природно-климатических условий приводили к хозяйственной переориентации, а порой и к массовым миграциям племен.

Волго-Уральское междуречье, ограниченное естественными природными рубежами на востоке (р. Урал), юге (Каспийское море) и западе (р. Волга), подразделяется на четыре провинции четырех природно-географических зон, простирающихся в широтном направлении: заволжскую провинцию лесостепной зоны, заволжскую провинцию степной зоны, прикаспийскую провинцию полупустынной зоны и северокаспийскую провинцию зоны пустынь умеренного пояса [Мильков Ф. Н., 1974. С. 22–24]. Предметом нашего интереса являются три последние провинции, и таким образом северной границей региона оказывается линия, разделяющая лесостепную и степную зоны. Ф. Н. Мильков проводит ее от предгорий Южного Урала в западном направлении южнее Самарской Луки и далее вдоль Волги до широты г. Энгельса, включая в лесостепную зону часть саратовского левобережья с нижними течениями рек Чагры, Малого и Большого Иргизов, а также Большого Карамана.

Заволжская провинция степной зоны включает в себя низменное террасовое Заволжье, Общий Сырт и Предуральское плато. Ее поверхность поднимается с запада на восток от 100–150 до 300–400 м над уровнем моря. В том же направлении изменяется возраст слагающих ее коренных пород – от неогеновых и мезозойских до пермско-триасовых и пермских. Широкие и глубокие долины маловодных рек рассекают провинцию на резко асимметричные увалы-сырты. Рыхлые четвертичные наносы распространены только на террасовом низменном Заволжье. К востоку от него, на вершинах сыртов, прямо на поверхность выходят плотные коренные породы. Поэтому здесь мало свежих крутостенных оврагов.

Климат резко континентальный. Средняя температура опускается на востоке до -15 градусов. За год выпадает не более 300–350 мм атмосферных осадков, наблюдается частая повторяемость засух.

Как тип ландшафта, степь сформировалась в доледниковое время. Она образовалась в неогене, в результате деградации тропических и субтропических лесов. Предшественницей степи, вероятно, была неогеновая саванна.

Все реки степной провинции принадлежат двум основным системам – волжской и узенской. Наиболее значительны из левобережных волжских притоков Чагра, Малый и Большой Иргизы, Большой Караман и Еруслан с притоком Торгун. Все они широтного направления, лишь Еруслан большую часть русла ведет вдоль Волги.

Главная речная артерия и одновременно западная граница региона – Волга – в основном имеет меридиональную направленность течения. Левый берег ее долины состоит из поймы и системы террас. Рельеф волжской поймы разнообразен и весьма изменчив, будучи сильно подвержен паводковому воздействию. Вдоль основного русла и протоков (до сооружения Волгоградского водохранилища) располагались гривы песчаных наносов, которые могли быстро возникать и также скоро исчезать. Здесь встречаются увалы – застарелые гривы (длинные водоразделы с растительностью между протоками), а также сухие падины – высохшие пойменные озера и проточные старицы. В районе с. Красный Яр пойма достигает своей максимальной ширины – 13 км.

Первая надпойменная терраса левого берега Волги – это территория шириной около 2 км. Она еще сохраняет черты строения, во многом присущие пойме, и подвержена интенсивной эрозии. От нижележащей поймы она отделяется десятиметровым уступом. Таким же уступом на севере Саратовской области первая терраса отделяется от второй. А на юге степной зоны эта граница слабо выражена.

Вторая терраса имеет наибольшую ширину близ устья Еруслана – до 60 км. По мере удаления к северу она все более суживается и совсем исчезает между Иргизами. Здесь значительна овражно-балочная сеть (балка реки Саратовки с притоками Сухой Саратовкой, оврагом Березовым и Камышевахой). Между второй террасой и сыртовой областью фиксируются остатки третьей и четвертой террас. Они характерны выровненностью рельефа, иногда пологой увалистостью. На севере расположен наиболее выраженный массив этой системы. Здесь находятся останцы правого берега Волги (Три Мара). Поверхность массива рассечена долинами рек Большого и Малого Караманов, Мечетки. Между Караманами узкой полосой лежит клин сырта с абсолютными отметками 90–100 м.

Хорошо разработанная долина Большого Иргиза при соединении с волжской поймой достигает ширины 20 км. К востоку она суживается до

2–3 км. Общая широтная протяженность реки 530 км. Профиль долины резко асимметричен. Правый берег отвесный и крутой, так как к нему вплотную прижаты сыртовые водоразделы, а левый, наоборот, пологий. Наиболее значительны из притоков Иргиза – Каралык, Камелик с притоками Таловкой и Чалыклой, Камышлак, Сакма, Маянга [Усов Н. И., 1948. С. 17–21].

Вторая речная система степной зоны нашего региона – это протекающие в меридиональном направлении Малый Узень и Большой Узень с левым притоком Алтатой. Как и Еруслан, они набирают свое течение с южных склонов низкой сыртовой равнины (Узень-Иргизское плато). Приблизительно от широты Александров-Гая, в пределах Прикаспийской низменности, их долины попадают уже в другую природную среду – прикаспийскую провинцию зоны полупустынь. Водораздельные пространства между Малым Узенем и Ерусланом в южной части Заволжской провинции степной зоны принимают вид плоских равнин, почти не поврежденных овражно-балочными системами [Усов Н. И., 1948. С. 10–11].

Южная граница степной зоны проходит от р. Урал (севернее устья Деркула), вдоль южного склона Великого Сырта, далее на юго-запад через чижинско-дюринские лиманы, пересекает среднее течение Узеней и Еруслана, затем тянется параллельно Волге вдоль края второй террасы и на широте Волгограда переходит в правобережье. Географически это соответствует северному краю Прикаспийской низменности, которая отделяется от низкой сыртовой равнины достаточно четко выраженным уступом.

Богатство и разнообразие растительности нижневолжской степи объясняется именно близким расположением трех природно-климатических областей (лесной, степной и пустынной). В растительности северной части степной зоны преобладают разнотравно-злаковые виды: злаки-ковыли, типчак, мятлик, овес пустынный, тонконог; из разнотравья – тимус, подмаренник, сочевник, василистник, таволога, живучка, буркун.

Остальную часть занимает южный вариант степи. Из злаков здесь встречаются типчак и ковыли, причем главную роль играет ковыль мелкий. В разнотравье преобладают полыни, значение которых с продвижением на юг еще более усиливается. Таков состав степной флоры летом.

Весной, когда в почве достаточно влаги, бурно развиваются весенники: тюльпаны, гусиный лук, бульбокодиум, горицветы, ирис, репешки, проломники. Почва в степи не сплошь покрыта растениями. Между ними остаются различной величины промежутки, лишь частично заполненные мхами и лишайниками. В южной степи и полупустыне разреженное стояние растений выражено еще сильнее [Фурсаев А. Д., 1930. С. 2–6].

Главный источник кормовых ресурсов – растительность речных пойм, представленная в основном злаками. Пойменные луга Волги характерны преимущественно коостра безостого, а в поймах левобережных степных при-

токов произрастают пырей, мятлик, лисий хвост. Речные поймы южной степи – единственный источник древесины. Здесь растут главным образом ива, ветла и тополь. На Еруслане весьма интересно такое реликтовое явление, как Дьяковский сосновый лес.

В северной части степной зоны облесенность речных пойм и балок (байрачный лес) несколько выше, чем на юге. Но даже здесь, где имеется такой феномен, как обширный лес большеиргизской поймы, лесные массивы занимают всего 0,5 % [Фурсаев А. Д., 1930. С. 3].

Равнинный характер заволжской степи определяет медленное течение рек, а в летнее время, со спадом уровня воды, – частичное застаивание и перерастание русел. Эти угодья удобны для перелетных птиц: уток, гусей, болотных цапель, куликов. На степных водоразделах еще встречаются дрофы и серые журавли-стерхи. В пойменных лесах Волги и Большого Иргиза водятся лоси, косули, кабаны. На открытых пространствах часто встречаются массовые колонии сусликов, сурков, тушканчиков. Еще сохранились некоторые степные виды зайцев, волков и лис. Старожилы помнят большие стада сайгаков, приходивших на степные пастбища с юга.

Выделенные Ф. Н. Мильковым Прикаспийская провинция полупустынной зоны и Северокаспийская провинция зоны пустынь размещаются в пределах Прикаспийской низменности – слабо наклоненной в сторону моря плоской, безводной и бессточной равнины с абсолютными высотами от +50 м на севере до – 28 м на юге. От окружающих возвышенностей она отделяется уступом или пологим скатом. Прикаспийская низменность представляет собой морскую аккумулятивную поверхность, которая в позднечетвертичное время покрывалась водами Хвалынского моря. По мере его отступления к югу постепенно разрасталась молодая суша, на которой начиналось формирование аридных ландшафтов. Поверхность северной части низменности сложена раннехвалынскими суглинками, подстилаемыми глинами с прослоями песков. В древних депрессиях развиты шоколадные глины с фауной морских моллюсков. От абсолютных отметок 10–12 м суглинки последовательно сменяются более молодыми супесями и песками. Южная часть низменности (ниже нулевой отметки) – зона почти сплошного распределения песков позднехвалынского возраста. Здесь пески значительно перевеяны. Слабая поверхностная денудация Прикаспийской низменности – результат того, что полностью она освободилась от вод Хвалынского моря только в голоцене. Рельефообразующие процессы связаны с перераспределением речных наносов на морском мелководье и соляно-купольной тектоникой. Значительные преобразования поверхности отмечаются только в областях развития субэральных слепых дельт бессточных рек, в дельтах Волги и Урала, а также в районах формирования крупных массивов эолового рельефа [Виленский Д. Г., 1947. С. 8–10].

Климатический режим Волго-Уралья, как пустынной, так и степной его части, складывается под воздействием двух систем высокого давления. Зимой это сибирский антициклон, приносящий сильные морозы, а летом – субтропический максимум азорского происхождения, влекущий за собой продолжительные жаркие периоды [Брукс К., 1952. С. 135]. Относительная суровость зимы объясняется еще и тем, что над самым пониженным районом Волго-Уральского междуречья подолгу застаивается холодный воздух [Виленский Д. Г., 1947. С. 39-40].

Речные системы полупустынной зоны представлены нижним течением Волги с рукавом Ахтубой, Урала с бессточным рукавом Кушумом, Еруслана с притоком Торгуном, Большого и Малого Узеней, так же как и Кушум, заканчивающихся в бессточной депрессии у границы волго-уральских песков. Здесь же теряются малые реки Чижи, Восточная Дюра, Горькая и Аще-Узек.

Типичное явление полупустынной зоны – лиманы, падины и соры. Если лиманы и падины заняты преимущественно лугами, обильно увлажняющимися талыми водами, то днища соров постоянно засолены. От соленых озер их отличает отсутствие постоянного уровня воды.

Единая система Волго-Ахтубинской долины и дельты Волги характерна обилием тепла и влаги. Вегетационный период здесь составляет 183 дня. Ежегодные мощные паводки являются источником плодородного аллювия. Уникальны луговые выпасы и солидные запасы древесины, которую можно использовать не только как топливо, но и в качестве строительного материала.

Как кормовая база животноводства, большое значение имеют лиманно-падинные луга, а также узенско-чижинско-дюринская система разливов.

Даже Урдинский песчано-грядовый массив и волго-уральские пески пустынной зоны, где нет поверхностного обводнения, дают относительно неплохие пастбища. Понижения между песчаными грядами (ашики) постоянно подпитываются влагой, куполообразно залегающей под барханами. В ашиках имеются значительные выпасы, а на более северном урдинском массиве – даже редкие остатки осиново-березовых колков [Доскач А. Г., 1979. С. 101–103].

Общий фон растительности полупустыни составляют полыни, прутняк, камфоросма, керемеки. Полынное однообразие отчасти разбавлено ковылями. Лиманы и падины, подпитанные весенней влагой, заняты растительностью степного характера, а наиболее глубокие – пыреем, особо ценным пастбищным видом.

На солончаках и солонцах, занимающих довольно большой процент почв, могут произрастать сарсазан, сведы, солянки, солерос и тамарикс [Доскач А. Г., 1979. С. 6–7].

Волжская и Уральская дельты, а также прибрежная полоса Каспия покрыты густыми зарослями камыша, рогоза и осоки, которые тоже представляют собой весомые запасы корма.

А. Г. Доскач выделяет в полупустынной зоне интереснейший район – Эльтонско-Боткульскую озерно-солончаковую равнину, которая изобилует крупными соленосными озерными котловинами (Горькое, Боткуль, Эльтон, Баскунчак). Следствие мощной соляно-купольной тектоники, эти котловины, как правило, сопровождаются крупными тектоническими поднятиями (Улаган, Большой Богдо). Здесь сосредоточены колоссальные природные запасы поваренной соли. В южной части района простирается огромный голый солончак Хаки-Сор [Доскач А. Г., 1979. С. 86–87].

По данным палеоклиматологии, послеледниковая эпоха характеризовалась последовательным чередованием влажных и сухих периодов. Эта картина была относительно общей для всех природных зон умеренного пояса северного полушария. Результаты работ большинства исследователей показали, что очередной ксеротерм (фаза сухого и теплого климата) суббореальной эпохи приходится как раз на бронзовый век Евразии. Абсолютные датировки данного ксеротерма колеблются от 1200–500 гг. до н.э. до 200–900 гг. до н.э. [Шнитников А. В., 1957. С. 274, 282; Предтеченский П. П., 1957. С. 262]. Следовательно, время развития срубной культуры степного Волго-Уралья совпадает с периодом существенной аридизации местного климата, когда средняя температура была на 2–4 градуса выше современной [Чигуряева А. А., 1960. С. 106].

Тем не менее многие исследователи считают, что это мало повлияло на заволжские ландшафты и растительный фон, и границы между природными зонами, а также состав флоры были примерно теми же, что и современные. Так, Ф. Н. Мильков, считает лесостепь, степь и полупустыню наиболее территориально устойчивыми комплексами [Мильков Ф. Н., 1974. С. 152, 182]. Проанализировав данные споро-пыльцевого анализа образцов из отложений эпохи бронзы в курганах у с. Бережновка, А. А. Чигуряева пришла к выводу, что заволжская растительность позднебронзового века, идентичная современной, вполне могла соответствовать и условиям временного ксеротерма [Чигуряева А. А., 1960. С. 282–284].

Существенным образом иссушение степного региона могло повлиять на уровень рек и интенсивность весенних паводков. Это обстоятельство должно было повлечь за собой два весьма немаловажных следствия. Во-первых, поселения смещались ближе к воде, как правило, на низкие террасы. Эта деталь была отмечена Т. М. Потемкиной на поселениях степного Притоболья как закономерность для эпохи поздней бронзы [Потемкина Т. М., 1985. С. 27–28]. Аналогичное явление мы можем проследить и на материалах нашего региона. Культурный слой низко расположенного поселения Мирный на Еруслане перекрыт позднейшим аллювием, на кото-

ром встречались фрагменты средневековой керамики. Следовательно, пойменная терраса, на которой жили в срубное время, в период наступившей затем увлажненности неоднократно заливалась водой. А в эпоху позднего средневековья она вновь была пригодна для обитания. Районы Узней, Алтаты, Чалыклы и Камелика в настоящее время часто подвержены весенним наводнениям. Здесь множество поселений срубной культуры. Некоторые частично переотложены паводками, поскольку занимали низкие берега.

Во-вторых, аридизация климата неизбежно сокращает время действия пастбищ открытых водораздельных пространств. Возможности пойм степных рек в этом отношении весьма ограничены. В связи с этим вполне логичен вывод о значительных изменениях в характере животноводства. Возможно, имели место более жесткая регламентация выпаса или временный перевод стада на стойловое содержание за счет заранее заготовленных кормов. Но самым очевидным представляется резкий рост значимости богатых пойменных пастбищ Волги и Урала, а также лиманно-падинных лугов Камыш-Самарских и Чижинско-Дюринских разливов. На этом фоне немаловажна роль зимних выпасов прикаспийского хозяйственного субрегиона. Если скотоводы приграничных районов степи-лесостепи, а также на берегах Волги и Урала имели возможность обеспечить собственные стада постоянными пастбищами и даже заготавливать корм на зиму, то древние племена открытых степных пространств вряд ли обходились только местными ресурсами. Здесь должен был развиваться отгонный тип пастушеского животноводства, при котором большая часть поголовья, по мере сезонного истощения близлежащих пастбищ, постепенно перегоняется в направлении будущей зимовки. А с наступлением весны, вслед за перемещающейся к северу линией снеготаяния, по весенним травам начинается обратное движение.

Нельзя не коснуться, хотя бы вкратце, такого сюжета, как значение антропогенного фактора в преобразовании природных ландшафтов. Степная зона Волго-Уральского междуречья – место постоянного обитания срубных племен в эпоху поздней бронзы – в результате интенсивной демографической динамики уже плотно заселена. Происходят даже периодические «выплески» избытка населения в направлении Волго-Донья и Поднепровья, Приуралья, Средней Азии. Все местные (волго-уральские) экологические ниши уже заняты, и это потребовало четкой регламентации хозяйственной деятельности. В первую очередь это относилось к животноводству и конкретно – пастбищному режиму. Близлежащие пойменные луга и водораздельные пастбища, как собственность всего племени, рода или большесемейной общины, используются крайне бережливо, так как местные обитатели хорошо представляли себе, насколько губительно воздействие многочисленных стад на слабый дерновый покров степи. Увы, такого от-

ношения не было к «интернациональным» зимним пастбищам Прикаспия, где еще более слабая супесчаная основа дерновины. Огромные стада (видимо, преимущественно мелкого рогатого скота), пригонявшиеся на зимовку, очень сильно видоизменили некоторые районы полупустыни. Представляется, что эоловые ландшафты Черноземелья, Рын-Песков, Камыш-Самарья и Ахтубы – прямое следствие нерегламентированного хищнического выпаса скота на протяжении последних 5–4 тысяч лет.

Между тем, подчеркивая огромное хозяйственное значение лиманно-падинных пастбищ полупустыни и в настоящее время, А. Г. Доскач предупреждает об опасности, которую представляет для них скотосбой, и рекомендует жестко контролировать даже зимнюю эксплуатацию, полностью исключая летние выпасы [Доскач А. Г., 1979. С. 103]. Она же указывает, что системы выпасов не могли не формироваться в соответствии с природными возможностями местных условий. Одну из таких систем, развившихся в полупустынной зоне, приуроченную к волго-ахтубинской пойме, исследовательница приводит в своей работе: весной, до половодья, скот пасется в пойме, а на время паводка перегоняется в полупустыню; летом, после спада воды, когда верхние террасы выгорают, животных пускают в пойму на отаву сенокосов; осенью, когда после дождей полупустыня вновь зеленеет, стада держат там вплоть до заморозков, а зимой вновь переправляют в пойму, на стойловое содержание [Доскач А. Г., 1979. С. 44–45]. Таким образом, упорядоченные системы хозяйствования четко действовали в экологических нишах, занятых конкретным населением, а за их пределами по нарастающей шел процесс стихийной эксплуатации природных ресурсов.

Нельзя сказать, что антропогенный фактор никак не отразился на ландшафтах самих экологических ниш. Постоянная потребность населения в древесных стройматериалах привела к частичному сведению пойменных лесов и к полному уничтожению отдельных древесных видов. По данным А. А. Чигуряевой, в нижнем течении Еруслана в эпоху поздней бронзы должны были произрастать березовые колки, дубовые леса и сосновые боры [Чигуряева А. А., 1960. С. 284].

Предварительно в степном Волго-Уральском регионе можно выделить следующие экологические ниши, где в основном и были сосредоточены места постоянного обитания населения в эпоху поздней бронзы: 1 – пограничные степи-лесостепи с реками Чагрой, Большим и Малым Иргизами, Большим и Малым Караманами, низовьями Камелика и участком волжского левобережья до устья Еруслана; 2 – волжское левобережье с Волго-Ахтубинской поймой; 3 – Уральское правобережье с бессточным рукавом Кушумом; 4 – глубинная степь с реками Большим и Малым Узенями, Ерусланом до места слияния с Торгуном, Большой Чалыклой, верховьями Камелика и Деркула. Кроме того, выделяются три больших района Прикаспийского субрегиона: 1 – узенско-дюринско-чижинская лиманная сис-

тема с Камыш-Самарскими разливами; 2 – Волго-Уральский эоловый массив (Рын-Пески); 3 – Эльтонско-Баскунчакский соленосный район.

Таким образом, природная обстановка на территории степного Волго-Уральского междуречья в эпоху поздней бронзы отличалась от современной несколько большей сухостью, что на археологических материалах подтверждается приуроченностью некоторых поселений к низким террасам. Это определенным образом отразилось на динамике хозяйства срубных племен. Вместе с тем обилие природных ресурсов региона (богатые пастбища речных пойм, степных водоразделов и лиманно-падинных систем, наличие пойменных лесов, плодородных участков земли, залежей кварцита, керамических глин, в том числе огнеупорных, поваренной соли, разнообразие флоры и фауны) создавало все необходимые условия для занятия местного населения животноводством в различной степени подвижности, пойменно-мотыжным земледелием и ремеслами, для развития собственной строительной традиции и различных промыслов. Во второй половине II тыс. до н.э. в степном Волго-Уралье стремительно развивается своеобразный вариант пастушеско-земледельческого хозяйственно-культурного типа, где в качестве основной доминанты было представлено животноводство и который постоянно был обращен к медно-рудным источникам Прикамья, Южного Урала и Северного Казахстана.

ГЛАВА III

Методика исследования материалов срубных поселений

Керамический комплекс

Большинство известных в Волго-Уральской степи поселений зафиксировано только по архивным данным или представлено исключительно материалами сборов. Лишь немногие из них исследованы в той или иной степени раскопками и располагают выборками артефактов, пригодными для статистико-комбинаторного анализа.

Необходимость именно такого подхода к исследованию массовых материалов обнаружилась уже после первых раскопок памятников оседлого типа, а с накоплением большей информации насущность предварительной унификации керамических комплексов, приведения их в систему, последующего анализа и сравнения становилась все явственнее. Так, известные по раскопкам 30–50-х гг. срубные поселения степного Заволжья вплоть до недавнего времени считались синхронными. Поразительное несоответствие хронологических схем срубной культуры, построенных в отдельности по погребальным и поселенческим материалам, объективно заставляло специалистов более пристально взглянуть в безликий и однородный, с первого взгляда, массив бытовой керамики, очень похожие друг на друга комплексы поселений, лишь изредка располагающие незначительными датирующими предметами.

Для решения проблемы срубных поселений необходимо было, прежде всего, сравнить имеющиеся на том этапе комплексы керамики по конкретным признакам (форма сосудов, декор), чтобы установить, наконец, их абсолютное сходство или различие, что позволило бы говорить об их (утверждавшейся ранее) относительной одновременности либо каком-то соотношении во времени.

Естественно, что такому сравнению должна была предшествовать первичная классификация керамических форм и орнамента, без которой невозможен отбор признаков – необходимое условие любого сравнения.

В работе были использованы материалы наиболее полно изученных поселений (Успенка, Максютово, Мирный, Покровск, Осинов-Гай, Преображенка), представленные в выборке 3,5 тыс. фрагментов.

Была применена сокращенная программа статистико-комбинаторного анализа, предложенная В. Ф. Генингом, конечный результат которого – ус-

ГЛАВА III

Методика исследования материалов срубных поселений

Керамический комплекс

Большинство известных в Волго-Уральской степи поселений зафиксировано только по архивным данным или представлено исключительно материалами сборов. Лишь немногие из них исследованы в той или иной степени раскопками и располагают выборками артефактов, пригодными для статистико-комбинаторного анализа.

Необходимость именно такого подхода к исследованию массовых материалов обнаружилась уже после первых раскопок памятников оседлого типа, а с накоплением большей информации насущность предварительной унификации керамических комплексов, приведения их в систему, последующего анализа и сравнения становилась все явственнее. Так, известные по раскопкам 30–50-х гг. срубные поселения степного Заволжья вплоть до недавнего времени считались синхронными. Поразительное несоответствие хронологических схем срубной культуры, построенных в отдельности по погребальным и поселенческим материалам, объективно заставляло специалистов более пристально взглянуть в безликий и однородный, с первого взгляда, массив бытовой керамики, очень похожие друг на друга комплексы поселений, лишь изредка располагающие незначительными датирующими предметами.

Для решения проблемы срубных поселений необходимо было, прежде всего, сравнить имеющиеся на том этапе комплексы керамики по конкретным признакам (форма сосудов, декор), чтобы установить, наконец, их абсолютное сходство или различие, что позволило бы говорить об их (утверждавшейся ранее) относительной одновременности либо каком-то соотношении во времени.

Естественно, что такому сравнению должна была предшествовать первичная классификация керамических форм и орнамента, без которой невозможен отбор признаков – необходимое условие любого сравнения.

В работе были использованы материалы наиболее полно изученных поселений (Успенка, Максютново, Мирный, Покровск, Осинов-Гай, Преображенка), представленные в выборке 3,5 тыс. фрагментов.

Была применена сокращенная программа статистико-комбинаторного анализа, предложенная В. Ф. Генингом, конечный результат которого – ус-

тановление степени сходства и различия керамики сравниваемых комплексов [Генинг В. Ф., 1973. С. 132].

Работа проведена в пять последовательных этапов:

1. Подготовка рабочих выборок из керамических комплексов (учет только профилированных и орнаментированных фрагментов, дающих информацию по формам сосудов, элементам и сюжетам орнамента).

2. Определение аспектов сравнения (форма сосудов, элемент орнамента, сюжет орнамента) и отбор признаков (4 признака формы – баночная, округлобокая, острореберная, колоколовидная; 13 признаков элементов орнамента – каплевидный штрих, овальный оттиск, линзовидная насечка, бесформенный оттиск, прочерченная линия, гребенчатый оттиск, личинковидный оттиск, подтреугольный оттиск, грушевидная насечка, ногтевой оттиск, волнистый штрих, кольцевидный оттиск; 11 признаков сюжетов орнамента – косые ряды, горизонтальные ряды, штрихованные зигзаги, простые зигзаги, солярные знаки, горизонтальная «елочка», вертикальная «елочка», беспорядочные скопления, косая решетка, треугольники, ромбы).

3. Расчет количественных и процентных показателей степени встречаемости признаков (определение количеств информативных признаков внутри каждой выборки и расчет на их основании процентных показателей).

4. Сравнение по аспектам на основании полученных процентных показателей степени встречаемости признаков (задача сравнения – получение коэффициента сходства – КС – между комплексами, который рассчитывается по формуле Брейнерда-Робинсона [Генинг В. Ф., 1973. С. 132]).

5. Корреляция комплексов (построение линейных корреляционных графов, расстояние между базовым комплексом Успенки и всеми остальными является линейным выражением их относительного различия).

Наименьший КС между комплексами Успенки и Осинов-Гая по каждому аспекту сравнения расположили эти памятники на крайних точках корреляционной цепи, а в середине компактной группой помещаются выборки Максютото, Мирного и Покровска.

Принимая построенный граф за некий относительный отрезок времени, мы получаем своеобразную периодизационную шкалу, где расположены основные этапы развития бытового керамического комплекса срубной культуры степного Волго-Уральского региона.

Основные выводы наблюдения за данными поэтапными изменениями в развитии: бытовой керамический комплекс срубных поселений Заволжья, существуя на первом этапе (Успенка) в чистом виде (три основные формы сосудов, относительно несложная орнаментация), на втором этапе (Максютото, Мирный, Покровск) получают импульс в виде колоколовидной абашевской формы и значительного усложнения орнамента. Своим началом (основная фаза жизнедеятельности памятника приходится все же на развитое срубное время) Максютото накладывается на покровский период

формирования срубной культуры. Последующее время нивелировки покровских признаков (Мирный, Покровск) еще по инерции характеризуется существенным разнообразием форм и пышностью орнамента. Начинается активное прогрессирование округлобокой формы сосудов, которая на третьем этапе (Осинов-Гай) резко доминирует, а на финальном отрезке третьего этапа, в комплексе с валиковой керамикой, становится господствующей [Лопатин В. А., 1987. С. 134–136].

Первичная классификация имевшихся на то время (рубеж 70–80-х гг.) керамических комплексов, происходящих со срубных поселений, а также их статистическое сравнение показали их типологическую неоднородность и неодновременность; положение на относительной периодизационной шкале наглядно демонстрирует динамику керамических комплексов во времени; развитие проходило в виде усложнения керамических форм и орнаментальных композиций от ранних комплексов к более поздним, что сопровождалось трансформацией отдельных типов.

Полученная шкала стала своеобразным репером, относительно которого уже гораздо определеннее выглядели материалы из новых раскопок, и даже некоторые малочисленные коллекции из разведочных сборов. Реально определились две следующие задачи: расширение банка информации за счет раскопок новых памятников и последовательная корректировка классификационной схемы форм и орнамента.

В частности, было замечено, что каждый из типов первичной схемы (баночные, округлобокие, остросереберные) в свою очередь также весьма вариативны.

Для разработки новой усложненной классификации форм и орнамента было намечено раскопанное автором поселение у с. Преображенка. Используются исключительно графически реконструируемые сосуды, составившие выборку в 120 экземпляров. Применена методическая установка так называемого аналитического подхода в исследовании, предложенная А. А. Бобринским [Бобринский А. А., 1986. С. 137]. В основе предложенного метода – рассмотрение фронтального изображения сосуда как составной комбинации неких геометрических фигур, зрительно воспринимаемой древним гончаром, как конкретный образ формы. Вычленимые из этого образа геометрические фигуры соотносятся с их технологическими аналогами, глиняными заготовками – компонентами готового сосуда в процессе ручной лепки. Реально представленные в выборке сосуды дифференцированы по степени сложности их изготовления (в зависимости от количества содержащихся во фронтальном изображении сосуда геометрических фигур) : 1-я степень сложности – 1 фигура; 2-я степень сложности – 2 фигуры; 3-я степень сложности – 3 фигуры.

Уже в процессе работы была установлена конкретная операционная терминология для всех частей сосуда: устье, венчик, шейка, плечо, максимальное расширение тулова, придонная часть, днище [Лопатин В. А., 1991. Рис. 1].

При существующих до настоящего времени разночтениях в определении различных составляющих частей сосуда единая унифицированная терминология, обозначающая конкретные доли и параметры, представляется весьма важной методической установкой. Она является определяющей как при выделении типов, так и при последующей статистико-комбинаторной обработке. Например, глобальное сравнение с массивом керамических комплексов, признаки которых были выделены по другой методической схеме, заведомо даст неверный результат.

Итогом данного этапа исследования керамического комплекса стала новая иерархическая классификационная схема: отдел (безвенчиковые, венчиковые); группа (баночные, слабопрофилированные, остросереберные); тип (баночные – закрытые, биконические, прямостенные, открытые; слабопрофилированные – коротковенчиковые, высоковенчиковые, с раструбовидным венчиком, с вертикальным венчиком; остросереберные – вогнутоплечие, прямоплечие, выпуклоплечие). Таким образом, два отдела, три группы, одиннадцать типов [Лопатин В. А., 1991. С. 44–48, рис. 2, 3].

Классификация орнамента также представлена в виде иерархической структуры от сложного к простому: композиция – сюжет – мотив – элемент. Композиция – общая картина декора одного сосуда – составляется набором сюжетов (цельно-мотивных или мелко-мотивных), которые, в свою очередь, набраны совокупностями элементов, напрямую связанных с техникой нанесения орнамента. Замечено, что степень орнаментированности выделенных типов форм посуды обратно пропорциональна степени их встречаемости (чем реже встречается тот или иной тип, тем сложнее он украшен). Наиболее пышный декор отмечен на остросереберных сосудах. Примечательно также, что взаимовстречаемость элементов в декоре одного сосуда очень низка. Чаще всего (в 11 случаях) отмечены вместе прочерченная линия и каплевидная насечка, причем оба элемента выполнялись одним инструментом. Применение же разных инструментов (не более двух) для орнаментации одного сосуда отмечено лишь в 20 случаях.

Более половины всего содержания составляют простые сюжеты – горизонтальные линии и ряды (55 %). По взаимовстречаемости на первом месте – дублирование тех же линий и рядов (в 28 случаях). Сочетание горизонтальных линий и штрихованных зигзагов отмечено в 16 случаях. Некоторые варианты сочетаний не превышают трех раз. Следует различать сюжеты по характеру мотивности. Выделяются сюжеты цельномотивные (набранные однообразно повторяющимися комбинациями элементов, со-

ставляющих единый мотив сюжета) и дробномотивные (в которых однообразии одного мотива нарушается наборами других элементов, т. е. другим мотивом).

По наложению отдельных частей различных сюжетов друг на друга иногда устанавливается очередность построения орнаментальной композиции. Замечено, что вначале разграничивали орнаментальную зону на основную, занимавшую, как правило, плечо сложно профилированного сосуда, и дополнительные подзоны (шейка и узкая полоса ниже наибольшего расширения тулова). Затем заполняли основную подзону, а после этого – дополнительные. Причем, если разграничение подзон осуществлялось только цельномотивными и обязательно простыми сюжетами (линии и горизонтальные ряды), то заполняли их как цельномотивными, так и дробномотивными и, как правило, сложными сюжетами [Лопатин В. А., 1991. С. 50–52, рис. 6].

Полученная схема классификации обширного развитого керамического комплекса Преображенки была использована в качестве матрицы во время аналогичной работы со всеми имеющимися в настоящее время коллекциями из раскопок поселений.

Совершенно очевидно, что все возможные сравнения комплексов по имеющимся в схеме процентным показателям отдельных типов форм правильнее проводить не в общем объеме материала, а в рамках предварительно намеченных хронологических блоков. Даже визуальные наблюдения за имеющимися в нашем распоряжении комплексами показывают их относительную неодновременность. Уточнить это позволяют также присутствующие в большинстве керамических коллекций реликтовые и инокультурные индикаторы – керамические артефакты с признаками предшествующих или синхронных сопредельных культур.

Систематизация построек

На начальном этапе исследования по реконструкции, интерпретации и первичной классификации построек, известных в срубных материалах степного Волго-Уралья, была предпринята попытка рассмотрения конкретных объектов (жилищ полуземляночного типа) в качестве важных элементов жизнеобеспечивающих систем (ЖС) срубной археологической культуры.

Реконструкция проводилась на основе анализа общих и частных признаков построек, типы которых характерны для обширной зоны степной и лесостепной Евразии, где в эпоху бронзы обитали племена со сходными во многих чертах (синкретичными) культурами. Это сходство объясняется единым характером пастушеско-земледельческого хозяйственно-культурного типа (ХКТ), сложившегося в регионе примерно в начале II тыс. до

н.э. Устанавливается определенная зависимость построек, как составных частей ЖС, от конкретных ХКТ, развивающихся в соответствующих физико-географических поясах (ФГП). Таким образом, прослеживается опосредованная связь отдельных типов построек с конкретными ФГП или природно-климатическим фоном [Чебоксаров И. И., Чебоксарова И. А., 1971. С. 215–216; Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И., 1984. С. 24; Лопатин В. А., 1992. С. 55–56].

Как одно из отражений закономерной первобытной синкретичности в развитии культур единого ХКТ, сходство стационарных построек, наблюдаемых в довольно мощном хронологическом срезе и широком территориальном охвате, - результат общего воздействия природно-географической среды на развитие материальной культуры. Конкретное выражение этого сходства – набор общих универсальных признаков, наблюдаемых в местной строительной традиции.

Этнографами высказано мнение, что для степного и лесостепного поясов Евразии (засушливых, с сильными ветрами, бедных лесами) характерными являются такие признаки жилья, как ступенчато-столбовая каркасная конструкция опор кровли, плоская или слабопокатая крыша, заглубленный в грунт полуземляночный котлован, открытый очаг, расположенный внутри помещения [Чебоксаров И. И., Чебоксарова И. А., 1984. С. 33].

Такие категории, как внутренняя планировка, размещение очагов и хозяйственных ям, оборудование входа, хозяйственных пристроек и перегородок, различные культовые участки, менее подвержены общим формирующим тенденциям, поэтому они достаточно вариативны. Отделенные от общих признаков как особенное, эти элементы жилья могут отражать индивидуальное как хронологического, так и культурного порядка.

Имея в своем распоряжении универсальную матрицу общих признаков традиционного жилища [Лопатин В. А., 1992. С. 59, рис. 3] и дополняя ее признаками частными, можно воссоздать относительно достоверную графическую модель конкретного объекта.

На первом этапе работы в интересующем нас регионе полуземляночные котлованы построек были известны на шести срубных поселениях: Успенке, Максютово, Осинов-Гае, Быково 2, Чапаевке 2 и Преображенке [Синицын И. В., 1949. С. 200, 209, 213; он же, 1969. С. 200; Попова Т. Б., 1960. С. 277; Лопатин В. А., 1985. С. 158–159; он же, 1996. С. 142, 148]. В качестве основного типологического репера избрана постройка 1 Преображенского поселения, поскольку она обладала максимальным количеством зафиксированных в ходе раскопок признаков. Для сравнения с нашим репером были привлечены материалы 52 опубликованных построек раннеалакульской, петровской, катакомбной, восточно-тшинецкой, абашевской, срубной, тазабагъябской, приказанской, черкаскульской, замараевской, сабашиновской, сосницкой, КВК, бондарихинской культур, бытовавших на

широкой территории и в обширном хронологическом диапазоне [Лопатин В. А., 1992. С. 74]. Памятники этих культур сосредоточены в Поволжском, Урало-Казахстанском, Донском и Поднепровском регионах степного и лесостепного ФГП. В конструкциях всех учтенных построек в той или иной степени были отмечены признаки, сходные с преображенскими. Всего же в преображенской застройке № 1 было выделено 15 общих и частных признаков основных конструктивных особенностей: котлован прямоугольной формы; боковая хозяйственная пристройка; ступенчатый вход с торцевой стороны; фиксация ступеней входа обмазкой; расположение очага в основном (жилом) помещении; размещение крупных сосудов-корчаг около очага; наличие канавообразных углублений; скопления золы вдоль стен котлована; хозяйственные ямы в котловане; хозяйственные ямы за пределами котлована; контурный обвод столбов внутри котлована; столбовые опоры за пределами котлована; две осевые линии столбов в котловане; ритуальное погребение около котлована.

На основе универсальной матрицы общих признаков в комплексе с частными элементами была построена гипотетическая модель постройки № 1 из Преображенки [Лопатин В. А., 1992. С. 70, рис. 7]. По своему характеру это типичный большесемейный дом с жилым и хозяйственно-подсобными помещениями, в котором на жилой площади, равной 80 кв. м, могли жить три поколения связанных кровным родством людей. Переднее подсобное помещение площадью в 48 кв. м было предназначено для хранения топлива и припасов, для создания теплоизолирующего эффекта перед входом, а также для выполнения некоторых придомных производств. Боковая хозяйственная пристройка площадью в 50 кв. м предназначалась для стойлового содержания скота в зимнее время. Почти полная аналогия такого дома отмечена в этнографических материалах. Это традиционное белуджистанское жилище, относимое специалистами к индо-переднеазиатскому типу сельских построек [Чебоксаров И. И., Чебоксарова И. А., 1984. С. 53, рис. 4, 3] – длинное прямоугольное сооружение с боковой пристройкой, каркасные стены которого забраны плетнем и обмазаны смесью глины и рубленой соломы либо заложены плитняком, а пологая камышовая кровля иногда покрывалась слоем глины.

Проведенный сравнительный анализ выделил наиболее часто встречаемые среди аналогий признаки, которые и являются общими: прямоугольный котлован, очаг, вся система опор, комплекс хозяйственных ям. К частным же признакам относятся такие элементы, как боковая хозяйственная пристройка, обмазка ступеней входа, группа приочажных корчаг, канавообразные углубления, погребение около котлована.

Сравнением получены показатели сходства преображенской постройки со всеми привлеченными аналогиями [Лопатин В. А., 1992. С. 68]. На их основе и проводилась классификация построек исследуемого региона. По-

казатели сходства небезынтересны также в плане определения тех или иных культурно-генетических тенденций воздействия на становление строительной традиции срубных племен степного Заволжья.

Предварительно была предложена следующая схема классификации, основанная на функциональном назначении сооружений: 1 тип – комплексная хозяйственно-жилая постройка (Преображенка, постр. № 1; Успенка, постр. № 3) – характеризуется всеми приведенными признаками преображенского строения, а также их аналогиями и моделированными трактовками, наибольшее сходство обнаруживает с сооружениями лесостепных районов Урало-Казахстанского региона, что в какой-то степени отражает восточную доминанту в становлении и развитии строительной традиции срубных племен бассейна Большого Иргиза;

2 тип – чисто жилая постройка – подразделяется на два варианта. Первый вариант (Максютово, Быково 2) – однокамерные компактные помещения с выходом в боковую сторону и очагом, устроенным иногда по принципу камина, в специально отрытой стенной нише (Максютово). Не исключено принципиально иное строение кровли (не двускатное, а шатровое), что предполагало уже другую каркасно-столбовую схему. Второй вариант (Осинов-Гай) – однокамерное длинное прямоугольное жилище с выходом в короткую сторону, очагом, расположенным перед входом, пристенными земляными нарами и одним осевым рядом опор, несущих двускатную кровлю. Подобный тип жилищ становится традиционным на финальном этапе эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья;

3 тип – производственная постройка (Преображенка, постр. № 2 – требует специального освещения и выборочного сравнения как сооружение, имеющее конкретную специализацию в ЖС (кожевенная мастерская). Коротко отметим, что это котлован прямоугольной формы, где отчетливо не прослеживались ни вход, ни столбовые ямки. Имеются очаг, несколько углублений в полу, скопление зольных масс в специальном пристенном углублении. Кроме того, здесь обнаружен характерный орудийный комплекс для обработки кож;

4 тип – чисто хозяйственная постройка (Чапаевка 2) – невыразительное сооружение подпрямоугольной формы с неровными стенками неглубокого котлована. В юго-западном углу – небольшой остветительный очажок. Это отдельно стоящее от жилья подсобное помещение могло служить для загона скота, хранения топлива и припасов, выполнения мелких придомных производств.

Таким образом, первый опыт классификации срубных построек степного Волго-Уралья позволил дифференцировать все известные в регионе сооружения на комплексные хозяйственно-жилые, чисто жилые, производственные и чисто хозяйственные. И хотя функциональный принцип выделения данных типов, подкрепляемый анализом сопутствующих

строению артефактов, представляется вполне надежным, однако предлагаемая схема постоянно будет нуждаться в корректировке по мере пополнения банка данных. В частности, не исключалась возможность открытия синтезированных вариантов, например, производственно-хозяйственного или производственно-жилого сооружений.

За последние годы среди срубных материалов региона появились две новые комплексные постройки (Чесноково, Трумбицкое) с интересным сопутствующим инвентарем. Как и ожидалось, новая информация позволяет существенно подкорректировать наши представления о динамике строительной традиции срубных племен в период становления их культуры.

Одной из немаловажных методических установок данной работы является рассмотрение и анализ материалов в рамках каждого выделенного хронологического периода не по отдельным категориям (керамика, постройки, инвентарь и т.д.), а по комплексам артефактов (керамика, постройки, инвентарь в комплексе памятника), где основная работа, естественно, предполагается с ядром хронологической выборки, т.е. теми комплексами, которые наиболее полно обеспечены всеми признаками и элементами культуры. Только так возможно проследить динамику срубной культуры степного Волго-Уралья по материалам поселений от зарождения до финала, а также в рамках каждого хронологического этапа.

ГЛАВА IV

Динамика культуры

Раннесрубный период (время становления)

Говоря о самых ранних памятниках срубной культуры оседлого типа, имеющих все необходимые компоненты (развитый керамический комплекс, постройки, значительный культурный слой), как о начале развития местной поселенческой традиции, вряд ли следует подразумевать под этим зарождение и становление самой культуры. Волго-Уральская степь, традиционно признаваемая исследователями в качестве прародины срубных племен, изначально давала им обширные пастбища, но не места постоянного обитания. Подвижные формы животноводства, доставшиеся им в наследство от предшествующего ямно-полтавкинского времени, как способ производящего хозяйства были объективным отражением природно-климатической ситуации на рубеже III–II тыс. до н.э. Даже в условиях начала фазы ксеротерма инерция хозяйственной традиции экстенсивного животноводства продолжала господствовать и определять характер жизни степных племен. Поэтому бытовые памятники начальной фазы становления срубной культуры нам не известны. Можно указать лишь на небольшую серию временных дюнных стойбищ: Теликовка (рис. 2, 1-5); Прапорский Бугор (рис. 2, 6-11); Тонкошуровка (рис. 2, 12-17) и поселение с незначительным и, вероятно, уже разрушенным слоем Березовка (рис. 2, 18-38). О характере данного материала автор уже высказывался в печати [Лопатин В. А., 1989. С. 137–138], и в частности было отмечено, что для сезонных стоянок раннесрубного времени свойственны отсутствие или слабая мощность культурного слоя, слабо развитый керамический комплекс, отсутствие стационарных жилищ. Незрелость керамики выражается в подавляющем большинстве баночных и полном отсутствии острорубных форм, примитивной орнаментации, а также в наличии т.н. реликтовых элементов (керамики со шнуровым и «елочным» орнаментом, с наклепными, треугольными в сечении, валиками).

Традиции оседлости, домостроительства и земледельчества были привнесены в раннесрубную культуру, когда многие ее ведущие признаки (погребальный обряд, керамические формы, элементы декора, некоторые категории инвентаря) уже прошли начальную стадию своего оформления. Сложность процесса становления основных ведущих признаков срубной культуры ярко отражается, например, в своеобразии Мурманского погре-

ГЛАВА IV

Динамика культуры

Раннесрубный период (время становления)

Говоря о самых ранних памятниках срубной культуры оседлого типа, имеющих все необходимые компоненты (развитый керамический комплекс, постройки, значительный культурный слой), как о начале развития местной поселенческой традиции, вряд ли следует подразумевать под этим зарождение и становление самой культуры. Волго-Уральская степь, традиционно признаваемая исследователями в качестве прародины срубных племен, изначально давала им обширные пастбища, но не места постоянного обитания. Подвижные формы животноводства, доставшиеся им в наследство от предшествующего ямно-полтавкинского времени, как способ производящего хозяйства были объективным отражением природно-климатической ситуации на рубеже III–II тыс. до н.э. Даже в условиях начала фазы ксеротерма инерция хозяйственной традиции экстенсивного животноводства продолжала господствовать и определять характер жизни степных племен. Поэтому бытовые памятники начальной фазы становления срубной культуры нам не известны. Можно указать лишь на небольшую серию временных дюнных стойбищ: Теликовка (рис. 2, 1-5); Прапорский Бугор (рис. 2, 6-11); Тонкошуровка (рис. 2, 12-17) и поселение с незначительным и, вероятно, уже разрушенным слоем Березовка (рис. 2, 18-38). О характере данного материала автор уже высказывался в печати [Лопатин В. А., 1989. С. 137–138], и в частности было отмечено, что для сезонных стоянок раннесрубного времени свойственны отсутствие или слабая мощность культурного слоя, слабо развитый керамический комплекс, отсутствие стационарных жилищ. Незрелость керамики выражается в подавляющем большинстве баночных и полном отсутствии острорубных форм, примитивной орнаментации, а также в наличии т.н. реликтовых элементов (керамики со шнуровым и «елочным» орнаментом, с налепными, треугольными в сечении, валиками).

Традиции оседлости, домостроительства и земледельчества были привнесены в раннесрубную культуру, когда многие ее ведущие признаки (погребальный обряд, керамические формы, элементы декора, некоторые категории инвентаря) уже прошли начальную стадию своего оформления. Сложность процесса становления основных ведущих признаков срубной культуры ярко отражается, например, в своеобразии Мурманского погре-

бального комплекса, где типично срубный обряд и категории инвентаря смешанного срубно-андроновского характера сочетаются с катакомбным типом могильного сооружения [Лопатин В. А., Малов Н. М., 1988. С. 130–139].

В целом зона становления срубной культуры тяготеет именно к степи и ее пограничью с лесостепью (рис. 1). Это был период сложного взаимодействия различных культурных традиций, одним из результатов которого стало появление срубных поселений, явления по сути своей феноменального, фактически открывающего для племен степного Заволжья начало эпохи поздней бронзы, для которой был характерен именно пастушеско-земледельческий хозяйственно-культурный тип [Лопатин В. А., 1992. С. 56]. Объективно этот период совпал с нарастанием в степном Волго-Уралье фазы ксеротерма, который ускорил переход местного населения к новым формам ведения хозяйства и образа жизни.

Хронологическую выборку, характеризующую ранний период срубной культуры, составили 29 поселений: Теликовка, Прапорский Бугор, Чапаевка 2, Александровка, Ружьевка, Алтата 18, Натальино 1, Сор-Айдын 1, Мост 2, Богатое, Караульское, Трумбицкое, Преображенка 1, Светлое Озеро 16, Натальино 5, Скатовка, Вихляный Овраг 1, 2, Покровское, Верхне-саратовское, Учхоз, Федоровка 1, Крутоярровка, Красный Яр, Успенка, Малая Тарасовка, Чесноково (рис. 1). Причем в ядро выборки можно включить всего 5 памятников (Чапаевка 2, Трумбицкое, Преображенка 1, Успенка и Чесноково), которые располагают самыми полными наборами артефактов, представленных в комплексах постройками, керамикой и предметами инвентаря. Материалам остальных поселений в анализе отведена вспомогательная роль.

Поселение Чапаевка 2 является, пожалуй, промежуточным типом между дюнными стойбищами и первыми стационарными поселками. Оно расположено в среднем течении Малого Карамана, на краю левобережной террасы, возвышающейся над широкой пойменной луговиной (рис. 3, 1). Тяготение древнего поселка к речному руслу, возможно и пересыхавшего в наиболее знойные периоды аридной фазы, уже достаточно очевидно. Но близость коренной высокой террасы, на которой можно было спастись от наводнения, указывает на то, что временами весенние паводки могли реально угрожать обитателям поселения.

В северной части раскопа расчищен котлован полуземляночного строения (рис. 3, 2). Он имел аморфно-подпрямоугольную форму. Размеры его составляли 9,5 x 6 м., глубина в материке 0,3 м. Более длинной стороной постройка ориентирована с юго-запада на северо-восток. Выход из помещения конкретно никак не обозначен, если не считать таковым небольшой выступ в северо-восточной торцевой стене. Стационарного очага не было. Лишь около юго-восточной продольной стены зафиксирован прокол грунта от светового очажка на полу сооружения. Нет ни одной столбовой ямки,

поэтому конструкцию каркаса и кровли представить трудно. Находок в котловане было очень мало, преимущественно мелкие фрагменты посуды.

Эти данные позволили отнести чапаевскую постройку к 4 чисто хозяйственному функциональному типу. Это отдельно стоящее от основного жилья помещение, служившее, вероятно, в качестве загона для скота или хранения топлива и припасов [Лопатин В. А., 1992. С. 72].

Жилая постройка наверняка была разрушена оврагом, пересекавшим поселение с востока на запад. На южном его склоне расчищены остатки развала крупной корчаги, наполовину врытой в грунт. Именно такой принцип размещения приочажных корчаг в жилищах отмечен на многих поселениях срубной культуры Заволжья. Интересно также, что на дне корчаги лежал камень со следами раскаливания его на огне. Способ быстрого нагрева воды в глиняных сосудах при помощи раскаленных камней отмечен как в археологических, так и в этнографических материалах. Поэтому данный комплект артефактов и сама логическая ситуация в раскопе также подчеркивают вероятную возможность существования в данном месте хозяйственно-очажного комплекса, присущего жилью.

Керамический комплекс поселения Чапаевка 2 характерен теми же показателями, которые свойственны временным стоянкам. В целом это неразвитый комплекс (рис. 3, 3-27). Баночные сосуды только закрытой профилировки составляют 52 % от общего состава форм. Композиционное построение орнамента простое. Как правило, это односюжетные композиции. С комплексами ранней фазы становления чапаевскую керамику сближает также наличие фрагментов с реликтовыми элементами в орнаментации (рис. 3, 19, 20). Чеканная «елочка» и оттиски перевитого шнура, к тому же в виде колечек и полукруглых фестонов, были характерны для местной полтавкинской и соседних катакомбных культур предшествующей эпохи.

Фрагмент слабопрофилированного сосуда с орнаментом в виде свисающего треугольника отражает некое взаимодействие местных племен с лесостепным Зауральем, где аналогичное сюжетное построение декора как в зубчатой, так и в прочерченной технике было свойственно керамике петровской культуры (рис. 3, 22).

Появление в степном Заволжье зачаточных форм бытовых керамических комплексов срубного облика с включениями реликтовых элементов, а также инокультурных индикаторов, в определенной степени явилось отражением процесса утверждения здесь традиций оседлости и домостроительства. Этот процесс, вероятно, проходил вначале под преимущественным влиянием катакомбных культур, а также петровской культуры Зауралья, уже практиковавших пастушеско-земледельческое хозяйство [Лопатин В. А., 1989. С. 138].

Наиболее ранней постройкой, где зафиксирована организация жилого пространства, пока следует считать сооружение на поселении Трумбицкое,

исследованное автором в 1990 г. Поселение расположено на правом склоне балки Трумбицкий Лог, по которой некогда протекал ручей (рис. 5, 1), на небольшом пониженном участке, закрытом с южной напольной стороны склоном террасы. Продолговатый котлован был ориентирован длинной стороной с юго-запада на северо-восток. В восточной части он заметно суживался. Здесь обозначен выход из жилища. Аморфный тамбур несколько углублен относительно пола землянки. Длина котлована по продольной оси 24 м, максимальная ширина в западной части 9,5 м, ширина в восточной части перед тамбуром входа 7 м, ширина тамбура 3,5 м.

В юго-западной части котлована расчищены остатки овального столбового возвышения, вырубленного в материковой глине, размеры которого составляли 5 x 1,5 м. В средней части оно рассечено поперек овражком, который нарушил также всю западную часть постройки. Здесь зафиксированы остатки стационарного открытого очага, развалы двух приочажных корчаг, врытых в пол, не полностью сохранившиеся разбитые сосуды, один из которых удалось реконструировать (рис. 6, 39), а в северной части жилого помещения расчищена небольшая яма-мусоросборник.

Неглубокие столбовые ямки зафиксированы только в тех местах котлована, где при его сооружении слой плотной материковой глины был прокопан до лежащего ниже песка. Это позволяет предполагать, что опоры кровли изначально не были зарыты в грунт, а просто стояли на полу, закрепленные жесткостью самой каркасно-столбовой системы. Небольшие ямки появились там, где столбы каркаса углубились в рыхлый песок под тяжестью кровли.

По их расположению с относительной уверенностью можно говорить о том, что в системе каркаса был контурный обвод столбов вдоль стен котлована и одна осевая линия опор, несколько смещенная от середины к южной стене (обычная асимметрия кровли двускатного типа). Тамбур входа, возможно, имел ряд дополнительных подпорок. Жесткость каркаса достигалась за счет фиксации опорных столбов раскосинами-фахверками [Арутюнов С. А., 1989. С. 39], а также кривизны системы коньковых балок [Гетманский С. А., 1986. С. 109]. Эти существенные признаки продолжают сохраняться даже тогда, когда повсеместно на срубных поселениях внедряется традиция специально закапывать в грунт основания столбовых опор, причем и на поздних стадиях развития культуры [Мерперт Н. Я., 1958. С. 116].

Вдоль южной стенки котлована в ходе раскопок был выявлен длинный валообразный затек плотного суглинка, который интерпретирован как завал защитной глинобитной стенки. Она плавно огибала юго-западный угол постройки, вплотную проходила вдоль южной ее стены на 13 м, а затем отворачивала от жилища в юго-восточном направлении еще на 5 м. После четырехметрового промежутка, обозначавшего, вероятно, проход в стене,

выявлено ее продолжение в восточную сторону. Создается впечатление, что стена не только фиксировала южную часть контура каркаса и отводила от котлована дождевую воду, стекавшую с террасы, но и образовывала перед входом в дом небольшой дворик, куда через проем четырехметровой ширины загоняли на ночь скот (рис. 5, 3).

Постройка реконструируется как длинная полуземлянка с неровными стенками котлована и пологим бесступенчатым входом. Асимметричная пологая двускатная кровля поддерживалась столбами контурного обвода, располагавшимися вдоль стенок котлована, и одной осевой ломаной линией, несколько смещенной в южную сторону. Стены надстройки несколько возвышались над земляными бортами котлована. Их основу составляли столбы контура, работавшие на сжатие под воздействием тяжести кровли [Арутюнов С. А., 1989. С. 39]. Промежутки между опорами заполнялись обрешеткой из жердей, которые крепились в паз на те же столбы. Обрешетка, в свою очередь, оплеталась ивовой лозой. Все это сообщало каркасу дополнительную жесткость. Снаружи на плетень накладывали слой глины, перемешанной с золой, а изнутри драпировали его шкурами или камышовыми матами. Подобные способы заделки каркасных стен широко известны в этнографических материалах [Шитова С. Н., 1983. С. 136, рис. 9]. Техника крепления жердей обрешетки в паз, на примере обуглившихся деталей сгоревшей постройки, зафиксирована и в археологии [Березанская С. С., 1974. С. 24–40], что, в свою очередь, позволило автору раскопок аргументированно интерпретировать некоторые категории инвентаря как плотницкий инструмент.

Организация внутреннего пространства постройки из Трумбицкого в целом традиционна для большинства крупных полуземлянок срубной культуры. Жилая часть отведена в противоположной входу половине котлована. Центр жилья – открытый очаг, устроенный в простой яме, выполнял как хозяйственно-бытовые, так и обогревательные функции. Отверстие дымохода находилось в крыше, вероятно, непосредственно над очагом. Рядом с костровой ямой располагались врытые в пол крупные корчаги, предназначенные для хранения припасов и приготовления пищи. К южному краю очага вплотную примыкало столообразное возвышение, напоминающее аналогичные комплексы внутреннего убранства жилищ Усова Озера [Березанская С. С., 1990. С. 86–87]. Там по специфическому характеру культовых предметов, зафиксированных на столообразных вымостках из глины, камней или костей, подобные комплексы интерпретированы как домашние жертвенники. Наш вариант может быть отнесен также к одному из типов спальных нар, бытовавших наряду с пристенными вариантами, уже отмечавшимися ранее для срубных жилищ степного Заволжья [Качалова Н. К., 1985. С. 200]. Вполне вероятно, что в целях лучшей теплоизоляции жилого помещения в средней части постройки имелась поперечная

перегородка, отделявшая привходовую (холодную) половину, где можно было хранить топливо, различные припасы, а в зимнее время содержать молодняк скота.

Непосредственно с постройкой связан весьма выразительный комплекс керамики (рис. 6, 1-40). По существу, это уже вполне развитый вариант срубного керамического комплекса, все три формы которого (баночная, округлобокая и острореберная) достаточно представительны в своих основных типах.

Среди баночных сосудов, многие из которых орнаментированы, большинство имеет закрытую профилировку (36,9 %), но достаточно представительны и прямостенные банки (10,4 %), встречаются открытые экземпляры. Крупные корчаги не только банкообразные, некоторые имеют профилированное тулово (рис. 6, 8, 29, 34, 40).

Слабопрофилированные сосуды Трумбицкого, в отличие от чапаевских, имеют уже довольно рельефные профили. В этой группе доминируют сосуды коротковенчикового типа (23,2 %). Некоторые имеют сильно зауженные устья, что очень похоже на аналогичные формы Покровского селища (рис. 6, 10, 17). Есть такие категории, как миниатюрные сосудики и сковороды (рис. 6, 5-7, 9, 20).

В группе сложнопрофилированных сосудов выделяются экземпляры, пышная орнаментация которых занимает не только верхнюю часть тулова, но и спускается ниже максимального расширения тулова (рис. 6, 23, 33, 35). Именно такие типы Н. К. Качалова определяла в качестве ярких признаков керамики первого этапа развития срубной культуры Нижнего Поволжья, названного вначале бережновским [Качалова Н. К., 1985. С. 33, 40]. Добавим, что принципы орнаментации других сосудов Трумбицкого, а также признаки их форм по основным показателям тоже близки «бережновским». В пользу ранней даты комплекса трумбицкой постройки может свидетельствовать и находка небольшого фрагмента сосуда с коротким уступчатым плечом, орнаментированного в мелкозубчатой технике. Это явный реликтовый элемент предшествующего полтавкинско-катакомбного времени.

Среди предметов инвентаря отметим две костяные рукояти (рис. 5, 5, 6), крупный каменный пест (рис. 5, 10), фрагмент глиняной модели колеса с утолщенным ободом (рис. 5, 9) и обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 5, 4). О местной металлообработке может свидетельствовать небольшой аморфный слиток меди (рис. 5, 8).

Примитивизм основных конструктивных показателей постройки из Трумбицкого (неровные стенки котлована, невыразительность входа, отсутствие принципа специального углубления опор кровли в грунт и др.) указывает, вероятно, на незрелый уровень развития техники домостроения раннесрубных племен того времени. Даже наличие здесь глинобитной за-

щитной стенки (этот признак не имеет пока ни одной аналогии на известных срубных поселениях) говорит о неквалифицированном выборе места для жилья, – на площадке, которая постоянно в дождливые периоды заливалась водой с близко расположенной террасы.

После того как постройка была оставлена, ее котлован очень скоро заполнился паводковым аллювием (относительно стерильные слои суглинка и темного гумусированного грунта). Уже на последующем хронологическом отрезке берег Трумбицкого Лога вновь был заселен, правда, на непродолжительное время. Новые обитатели селища не стали строить здесь стационарного жилья, видимо, более профессионально оценив топографическую ситуацию. Толщина верхнего слоя культурных отложений едва достигает 20 см. Местами он перекрывает котлован, полностью затянутый чистым грунтом. Очень компактная и выразительная керамическая серия, полученная в этом слое, где присутствуют фрагменты с ракушечной примесью, представляющие т.н. колоколовидные сосуды, может быть отнесена только к покровскому времени развития срубной культуры Заволжья (рис. 6, 41–51). Это характеризует наш памятник как единственное в степном Волго-Уралье поселение, имеющее прямую стратиграфию в рамках позднебронзового века.

Признаки покровской (срубно-абашевской) керамики общеизвестны: ракушечная примесь, колоколовидность тулова, как правило, отогнутый наружу венчик с характерным внутренним ребром или желобком, глубокие расчески на внешней стороне тулова. По обыкновению такие сосуды синкретичны. На одних и тех же экземплярах отражены как срубные, так и абашевские признаки.

Так, внутренняя реберчатость и желобчатые венчики могут сочетаться с сильно расширенным туловом (рис. 6, 44, 50), тогда как для классических абашевских сосудов характерен максимальный широтный показатель диаметра устья. Или в одной орнаментальной композиции присутствуют типично срубные каплевидные насечки и покровские глубокие скользящие оттиски короткого штампа (рис. 6, 41). Пока в качестве определяющих для покровской посуды данного региона выделяются такие элементы орнамента, как глубокие подтреугольные оттиски (рис. 6, 41, 50), отпечатки сдвинутого в сторону зубчатого штампа (рис. 6, 42, 44, 45), глубокие вертикальные расчески в верхней части тулова, которые, надо полагать, выполняли функцию декора (рис. 6, 41, 43, 48).

К моменту появления на срубных поселениях Заволжья покровская посуда, в основных своих показателях, – вполне сформировавшийся продукт взаимодействия раннесрубной и позднеабашевской культур, которое имело место, вероятно, в лесостепных районах Поволжья и Волго-Донья, граничащих со степью. Именно здесь абашевские слои на поселениях перекрыты срубными отложениями. И в этой же контактной зоне развивается

затем тип срубных поселений, в керамических комплексах которых, как правило, присутствует покровская керамика. Формирование смешанных срубно-покровских комплексов к середине II тыс. до н.э. отмечено исследователями и в более северных лесостепных районах Поволжья [Кузьмина О. В., 1978. С. 45].

Это неизбежно предопределило своеобразие лесостепной срубной культуры на протяжении всей дальнейшей ее истории, а также обусловило существенные различия в материальной культуре срубных племен поволжской лесостепи и степного Волго-Уралья. Представляется, что волгоуральская степь и лесостепные районы Доно-Поволжья уже в XVI в. до н.э. становятся гигантским регионом, где формируются и развиваются два локальных варианта единой срубной культуры. Яркие покровские комплексы – это один из неотъемлемых элементов процесса становления срубной культуры на территории от Дона до Урала, причем более отчетливо этот элемент проявил себя в лесостепном варианте срубного массива. Это явление было временным, постепенно нивелирующимся в ходе общекультурного развития, что хорошо заметно на материалах степных поселений. Если покровские элементы в керамических комплексах поселений лесостепного правобережья, как реминисценции, сохраняются довольно долго, то в Заволжье они перестают проявляться вскоре после исчезновения здесь богатых погребений покровского типа.

Несомненно, взаимодействие обоих локальных вариантов срубной культуры привело к существенным сдвигам в динамике строительной традиции, возможно, и в развитии металлообработки, вероятно, кардинально менялась социальная структура общества. Уже несколько видоизмененный вариант постройки хозяйственно-жилого типа встречаем мы на поселении Преображенка 1, бытовавшем в течение покровского времени раннесрубного периода. Ее конструктивные особенности достаточно полно были изложены мною в публикации и в третьей главе данной работы, поэтому здесь остановлюсь лишь на некоторых моментах обобщающего характера.

В понятие «комплексная хозяйственно-жилая постройка» вкладывается именно суть функциональных особенностей данного типа строений, основанных на конкретном стремлении их обитателей совместить в одном доме как жилую, так и хозяйственные площади. Комплексные строения иногда создавались простым перегораживанием, т.е. разделением первоначально единого помещения, а иногда посредством добавления новых построек [Арутюнов С. А., 1989. С. 41]. Не станем утверждать, что этот тип постройки (рис. 7, 7) появляется в степном Заволжье именно как следствие культурных контактов с лесостепью. Видимо, тенденция к разграничению внутреннего пространства дома на жилую и подсобные площади возникает еще раньше (Трумбицкое). Но чрезвычайно показателен тот факт, что к длинному котловану преображенского жилища с восточной стороны при-

строено еще одно дополнительное помещение, что очень сближает его с комплексом построек 7 и 42 Мосоловского поселения, исследованного в лесостепном Подонье [Гетманский С. А., 1986. С. 109].

Динамика заметна и в деталях: тамбур входа не только имеет четкие очертания, но и оснащен длинными ступенями, зафиксированными глиняной обмазкой; столбовые опоры кровли уже зарыты в грунт, здесь уже две, а не одна осевые линии несущих опор; стены надстройки снаружи утепляются зольной обваловкой (рис. 7, 3); совершенствуется приочажный комплекс (появляется некоторое количество хозяйственных ям внутри котлована); магистральный канавообразный проход из жилого помещения в переднее подсобное указывает на конкретный проем в поперечной перегородке; наконец, ярко выражен один из оформившихся домашних культов (человеческое жертвоприношение, посвященное факту возведения жилья).

Керамика Преображенского поселения, о классификации которой также сообщалось в специальной статье [Лопатин В. А., 1991. С. 42–52] и указано в третьей главе настоящей работы, отразила некоторые признаки сложного взаимодействия местных племен с сопредельными культурами на этапе становления местных структур.

В многочисленной серии сосудов Преображенки имеется типичная раннесрубная посуда, которая прежде характеризовала бережновские комплексы. Вместе с тем в одном комплексе с ней присутствуют фрагменты сосудов характерного покровского типа (рис. 12, 6–16). На некоторых экземплярах традиционные срубные формы сочетаются с сюжетами декора, присущими петровской культуре Зауралья (рис. 12, 25–27). Но есть и типичные, возможно привозные, петровские сосуды (рис. 12, 22–24).

Крупный сосуд с наклепным, треугольным в сечении валиком в виде зигзага, наклепная горизонтальная ручка и фрагменты бронзового сосуда с имитацией защипного валика, находящие отдаленные аналогии в материалах некоторых срубных поселений левобережной Украины, расцениваются как следствие опосредованных контактов с Поднепровьем (рис. 12, 17–19). И, кроме того, в материалах Преображенки имеется несколько фрагментов керамики с реликтовыми признаками предшествующей эпохи средней бронзы (рис. 12, 1–5).

В целом керамика Преображенки характеризуется как сформировавшийся во всех своих основных типах комплекс (рис. 11). Традиционно доминируют баночные сосуды, особенно закрытый и прямостенный типы (соответственно 41,12 % и 21,32 %). В группе слабопрофилированных наиболее весом коротковенчиковый тип (14,44 %). В преображенском керамическом комплексе появляется тип сосудов с раструбовидными венчиками (рис. 11, 31–33). Доля их невелика, всего 1,78 %. Несомненно, что это ме-

стная реплика колоколовидной посуды, отражающая уже значительную степень взаимной интеграции коренных срубных и внешних покровских традиций.

Инвентарь, характеризующий комплекс постройки № 1, представлен обуглившимся фрагментом деревянного сосуда (рис. 7, 6); костяными проколкой и рукоятью (рис. 8, 4, 8); каменным терочником (рис. 7, 2) и бронзовой швейной иглой (рис. 8, 3). В качестве косвенных признаков возможного существования домашнего жертвенника могут служить овальный глиняный предмет, напоминающий головку змеи (рис. 7, 4), и сосуд с необычной, явно сакральной, орнаментацией (рис. 12, 20). Культовым деревянным моделям повозок могли принадлежать также глиняные колесики, на одном из которых утолщением показана втулка (рис. 8, 1, 2, 5).

Разнообразие предметов инвентаря из постройки № 1 в их функциональной значимости (игла, терочник, рукоять, проколка, тупики) – лучшее свидетельство полифункциональности самой хозяйственно-жилой постройки, обитатели которой занимались здесь различными мелкими придомными производствами.

Но в то же время некоторые трудоемкие виды производства уже выносятся за пределы жилья, в специально построенные для этого помещения. Такова постройка № 2 (кожевенная мастерская). Ее реконструкция представляется затруднительной, поскольку здесь не зафиксировано ни одной столбовой ямки. Грунт, в котором был вырыт котлован этой полуземлянки, – плотный суглинок, поэтому ни одна из опор не погрузилась в него даже под тяжестью кровли. Как и в постройке Трумбицкого, столбы здесь явно не были зарыты. Котлован неправильно-прямоугольной формы, с выступом пологого входа в северной короткой стене, ориентирован с юга на север (рис. 9, 1). Размеры 12 x 9 м, глубина в материке 15–20 см. В южной части помещения расчищен очаг, возле которого зафиксированы развалы двух крупных сосудов. Тот, что поменьше (типично срубная корчажка), был вставлен в более крупный сосуд явно петровского облика (рис. 12, 23).

Около западной стенки выявлена обширная яма, заполненная золой и обломками костей животных. Еще два углубления с пологими краями, связанные со скоплениями керамики, костей и различными инструментами, как бы фиксировали конкретные места производственной деятельности. Благодаря тщательной расчистке пола с оставлением материала на месте, удалось точно проследить распределение орудий труда в помещении.

Всего было найдено 17 предметов, отвечающих функциям тех или иных орудий труда: костяной струг из лопатки крупного животного, обломки костяных тупиков (рис. 8, 9, 10); рукояти (рис. 9, 13, 14); проколки (рис. 9, 10–12, 15–22); упор со специальным отверстием – приспособление для усиления нажима на проколку (рис. 9, 9); крупная кварцитовая пластина и скребок (рис. 9, 5, 3); костяное полусферическое пряслице (рис. 9, 6);

обломки каменных сверленных топоров со следами вторичного использования как орудий для разминания кож (рис. 9, 7, 8). В непосредственной близости от постройки № 2, около наружного очажка найдено бронзовое тесло с секировидным лезвием (рис. 8, 7).

Специфический состав орудийного набора позволяет предполагать определенную производственную специализацию второй постройки как мастерской по обработке шкур животных, выделке кож, пошиву кожаной одежды и обуви, шерстопрядению. Яму, заполненную золой, в данном случае можно интерпретировать как аналогичную в этнографических материалах зольную ванну для обезжиривания свежих шкур – технологического приема, облегчавшего мездрение и волососгонку [Малинова Р., Малина Я., 1988. С. 78].

Среди фрагментов нестандартной керамики, происходящих из второй постройки, выделим, кроме упомянутого петровского сосуда, несколько обломков явно покровского облика, интересных тем, что у некоторых орнаментирована внутренняя часть венчика (рис. 12, 8, 11, 13). Необычен фрагмент желобчатого изнутри венчика, но с налипным валиком, расположенным на внешней стороне (рис. 12, 14). Следует обратить внимание на то, что здесь, как и в первой постройке, имеет место сочетание трех компонентов – элементов петровки, покровска и раннесрубного комплекса.

Еще одно производственное помещение на Преображенском поселении – постройка № 3 – представляет собой котлован прямоугольной формы, ориентированный с юго-востока на северо-запад (рис. 10, 1). Его размеры 25 x 13 м, глубина в материке до 0,5 м в западной части и 0,3 м на восточном краю, выходящем к склону балки, куда сбрасывали очажные массы, шлаки и прочие отходы. Система столбовых опор также не установлена из-за отсутствия ямок. К северо-западной торцевой стене вплотную примыкает дугообразная канава шириной от 1 до 2 м. Глубина ее постепенно понижается от 0,5 м в северо-западных отрожках до 1 м в той части, где она примыкает непосредственно к котловану постройки.

Среди обычной срубной керамики здесь присутствует еще один фрагмент петровского каннелированного сосуда (рис. 12, 24), а также небольшая серия находок, свидетельствующая о местной металлообработке. Это сливной край глиняного тигля с ошлакованной внешней поверхностью (рис. 10, 4), фрагменты глиняного сопла (рис. 10, 5), два обломка бронзового сосуда, видимо, утилизированного для переплавки (рис. 10, 3), а также фрагмент глиняной формы для отливки тесла (рис. 10, 2). Этот специфический набор артефактов позволяет предполагать, что третья постройка Преображенского поселения функционировала как литейная мастерская. Дугообразная траншея около котлована может быть интерпретирована как арычная система водоснабжения, обеспечивающая мастерскую дождевой водой, собираемой на верхних участках террасы. Около мастерской зафик-

сировано большое количество шлаков (некоторые куски содержат окислы не полностью выделившейся меди).

Реконструкция постройки также затруднительна из-за отсутствия здесь следов столбовых опор кровли. Но среди всех известных в регионе специализированных строений, связанных с металлургическим производством, преображенскому варианту наиболее близка литейная мастерская, исследованная на поселении Липовый Овраг [Агапов С. А., Иванов А. Ю., 1989. С. 137]. Это было сооружение без стен, с пологим двускатным навесом, который опирался на столбы каркаса и перекрывал лишь половину котлована.

Все три постройки Преображенского поселения были сооружены в одно время и представляли собой застройку типичного большесемейного хутора, специализировавшегося на разведении скота и обработке продуктов животноводства. Данные стратиграфии показывают, что литейная мастерская функционировала недолго и была оставлена, когда жизнь в большом доме еще продолжалась и действовала мастерская по обработке кож. Заполнение котлована третьей постройкой состоит из смеси золы, костей и битой посуды – в последнее время обитатели хутора использовали ее в качестве свалки.

Период жизнедеятельности Преображенки представляется довольно продолжительным. Здесь четко прослеживается раннее взаимодействие степных (чисто срубных) и лесостепных (покровских и петровских) традиций. Они весьма наглядно отразились в сложном облике керамического комплекса.

Материалы других (малоинформативных) памятников региона, отнесенных к допокровскому времени становления, в той или иной степени насыщены реликтовыми или инокультурными индикаторами, фиксирующими эпоху бытования данных комплексов. Среди них выделяется бронзовый нож из сборов на поселении у с. Ружьевка (рис. 4, 7), который по основным своим параметрам сближается с ножом из кургана 31 могильника Сопка 2 кротовской культуры [Молодин В. И., 1985. С. 62, рис. 29, 6]. Барабинский нож отнесен к кругу сейминско-турбинских бронз, а нижняя граница позднего кротово датирована XIV в. до н.э. [там же. С. 88]. Но предлагалась и другая нижняя дата для сеймы-турбино – XVI в. до н.э. [Косарев М. Ф., 1981. С. 18]. Не станем утверждать полную аналогичность ружьевского экземпляра с ножом из Барабы, тем более делать вывод о возможности контактов раннесрубных племен с синхронным населением Западной Сибири. Традиция изготовления ножей подобных форм, вероятно, восходит еще к ямно-афанасьевскому времени. Во всяком случае, ножи с коротким прямоугольным черешком и широким листовидным лезвием достаточно хорошо известны в материалах волго-уральской ямной культуры, а также позднее,

в полтавкинских захоронениях. Вместе с тем ружьевский экземпляр отдаленно напоминает также известные волго-уральские типы ножей.

Небольшие керамические серии, происходящие из Александровки, Ружьевки, Алтаты 18, Натальино 1, Сор-Айдын 1, поселения Мост 2, Богатого, Караульского, помимо типичной срубной керамики, представлены также фрагментами с реликтовыми элементами (это кольцевидные оттиски, отпечатки перевитого шнура, оформление венчика по типу вольско-лбищенской посуды (рис. 4).

Большая хозяйственно-жилая постройка № 3, исследованная И. В. Сеницыным на Успенском поселении, типологически очень близка постройке № 1 из Преображенки (рис. 16, 3): прямоугольный котлован, ступенчатый тамбур входа с торцевой стороны, очаг в противоположной входу половине, приочажные корчаги. Скорее всего, конструкция каркаса была аналогичной преобразенской, хотя в успенском жилище выявлено очень мало ямок от столбовых опор. Отличие в том, что здесь уже не одна, а две боковые пристройки, интерпретированные автором раскопок как загоны для зимнего содержания молодняка домашних животных. Вероятно, как и в Преображенке, жилую часть от привходового пространства отделяла поперечная перегородка. Отмечены здесь и следы такого же наружного утеплителя – зольной обваловки стен надстройки (рис. 16, 4).

Керамика Успенского поселения – типичный сформировавшийся комплекс срубного облика (рис. 17). Отдельными признаками покровские остаточные черты все-же фиксируются, например, в виде подтреугольных оттисков и «проташенного» штампа (рис. 17, 29, 31, 46). В успенском комплексе все еще присутствуют реликтовые элементы орнаментации (рис. 16, 5, 6; 17, 5, 25).

Процентное содержание отдельных типов посуды очень напоминает ситуацию Преображенки. В группе баночных сосудов доминируют закрытый и прямостенный типы (соответственно 38,9 % и 23,5 %), в группе слабопрофилированных – тип коротковенчиковых (14,4 %), как и в Преображенке, есть сосуды с раструбовидными венчиками (1,8 %).

И. В. Сеницын относил Успенку к позднерубному времени, впрочем, как и все известные в то время заволжские поселения. И хотя здесь не было валиковой керамики, костяной наконечник «скифского» типа, обнаруженный в комплексе заготовок в одной из приочажных корчаг (рис. 16, 7–11), позволил автору довести верхнюю дату памятника до начала I тыс. до н.э. [Сеницын И. В., 1949. С. 223].

Используя периодизационную схему О. А. Кривцовой-Граковой, автор самых первых исследований на Успенском поселении А. И. Тереножкин, напротив, относил этот памятник к первой покровской ступени срубной культуры (XVI–XIV вв. до н.э.) [Тереножкин А. И. С. 11].

Н. К. Качалова отнесла успенский комплекс ко второму этапу своей периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья, что соответствует покровскому времени, но непосредственно с покровскими памятниками Успенку не связывала [Качалова Н. К., 1985. С. 40,57, рис. 4; С. 58, рис. 5].

Опыт статистико-комбинаторного анализа и сравнения керамики заволжских поселений показал самую раннюю позицию Успенки среди всех известных к началу 80-х г. комплексов Заволжья [Лопатин В. А., 1987. С. 134]. В то время еще не были исследованы Трумбицкое и Преображенка, поэтому в периодизационной схеме для степных поселений между самыми ранними дюнными стойбищами и Успенкой можно было поместить только Чапаевку 2 [Лопатин В. А., 1989. С. 138].

Учитывая близость конструктивных особенностей комплексных хозяйственно-жилых построек Преображенского и Успенского поселений, а также другие признаки, проявляющиеся в керамике и инвентаре, например, реликты и элементы покровска, следует, видимо, относить их к единому кругу памятников, оставленных срубным населением во время становления культуры. Этот период характерен активным взаимодействием степных племен Волго-Уралья с родственными им племенами лесостепи в широком диапазоне (вероятно, от Дона до Зауралья), а также появлением здесь социально значимых групп, оставивших в степи выдающиеся погребальные памятники типа Покровских курганов.

Немногим более ранним представляется построечный комплекс Трумбицкого поселения. С Преображенкой его сближает характерный керамический комплекс, который, сформировавшись на раннем этапе, продолжает существовать и в покровское время.

Н. К. Качалова совершенно справедливо отмечала, что проникновение лесостепных культурных традиций в Заволжье не могло существенно повлиять на естественное развитие степных племен [Качалова Н. К., 1984. С. 33]. В керамике здешних поселений процент покровских признаков ничтожно мал. Да и расположены эти памятники исключительно вдоль Волги и в тех районах степи, что непосредственно граничат с лесостепной зоной.

Известны еще 11 малоинформативных комплексов, материалы которых содержат покровскую посуду и которые находятся именно в контактной зоне: Светлое Озеро 16, Натальино 5, Вихляный Овраг 1,2, Покровское селище, Верхнесаратовское, Учхоз, Федоровка 1, Крутоярровка, Красный Яр (рис. 13 – 15). Но даже на таких незначительных материалах отчетливо заметна динамика покровской традиции в срубном массиве.

Среди указанных памятников особняком стоит Скатовское поселение – одно из самых ранних в рамках покровского времени (рис. 13, 20–47). Наряду с типично срубной и покровской посудой традиционных форм и декора, здесь присутствует небольшая серия сосудов, оформление венчиков и орнаментация которых напоминает вольско-лбищенские традиции

(рис. 13, 34–37). Им близки также некоторые экземпляры поселения Натальино 5 (рис. 13, 8). К наиболее ранним покровским образцам, видимо, следует отнести также сосуды с широкими пальцевыми каннелюрами на шейке – ярчайшим признаком, пришедшим, скорее всего, из синташтинско-петровских традиций (рис. 13, 9, 14, 18).

В пользу ранней даты Скатовки наглядно свидетельствуют и два фрагмента литейных форм для отливки крестовидных подвесок (рис. 13, 46, 47). Аналогии им известны в допетровских и петровских материалах лесостепного Зауралья [Малов Н. М., 1992. С. 38].

Очевидно, период наивысшего подъема покровско-срубного взаимодействия отражен в материалах двух комплексов Вихляного Оврага (рис. 14, 1–23). Большинство представленной здесь керамики имеет ракушечную примесь. Непосредственно покровские сосуды – четко выраженных колоколовидных форм (рис. 14, 1–4, 6, 7–9, 11, 12, 19, 22). Они очень близки аналогам из материалов поселения Вишневое, раскопанного на противоположном берегу Волги [Дремов И. И., 1992. С. 74–84]. Видимо, в это время ближнее Заволжье постоянно ощущает давление лесостепных племен с покровскими чертами материальной культуры, плотно заселивших правобережье. Но восточнее узкого берега и устьев степных притоков, в консервативную глубинную степь эта экспансия так и не проникла.

В материалах Покровского селища, поселений Верхнесаратовское, Учхоз, Красный Яр, Федоровка, Крутояровка, отчасти даже верхнего слоя Трумбицкого чувствуется заметный спад покровского воздействия. Колоколовидность формы в ее классическом варианте уже не соблюдается, венчик (внутреннее ребро, желобок) оформляется небрежно (рис. 15, 27–30), и скоро снивелированные покровские признаки едва улавливаются только в декоре типично срубных форм.

Такова динамика покровского времени на срубных поселениях контактной зоны. На бытовые памятники глубинной степи вдоль Узеней и северной полупустыни Прикаспия элементы покровска вообще не проникали. С Волги на Урал они могли перемещаться только по традиционному водному пути степных рек – Большому Иргизу, Камелику, Чалыкле и Деркулу [Рыков П. С., 1929. Л. 7]. Отчасти вероятность широтных перемещений синташтинско-петровских и покровских традиций по этому пути косвенно подтверждается некоторыми признаками, отмеченными на керамике малоинформативных поселений Малая Тарасовка (р. Камелик) и Светлое Озеро 16 (р. Большая Чалыкла). Более всего показательна в этом плане характерная орнаментация на глиняной крышке из Малой Тарасовки (рис. 18, б).

На Деркуле, на самом финале покровского времени, мы встречаем интереснейший тип постройки, которую пока, без сомнения можно считать венцом строительного мастерства срубных племен (рис. 18, 13). Она была исследована в 1987–1988 гг. Н. М. Маловым на поселении Чесноково 1

[Малов Н. М., 1987. С. 30]. Среди комплексных хозяйственно-жилых строений региона это самый сложный и развитый экземпляр.

Постройка состоит из трех помещений, соединенных между собой короткими тамбурами. Котлован основного помещения правильной прямоугольной формы, размерами 15 x 10,5 м и глубиной до 1 м в материке, ориентирован с юго-запада на северо-восток. В его левом северном углу имеется проход, оформленный ступенями на подъем в боковую пристройку – длинное узкое помещение с автономным котлованом, который отделен от основного узкой, специально оставленной грунтовой перегородкой шириной всего 85 см. Размеры пристройки 12,5 x 3,4 м, уровень пола несколько выше, чем у основного помещения. Через северо-восточную торцевую стенку короткий тамбур выводит в небольшое привходовое помещение подквадратной формы, где уровень пола также повышается. Размеры передней пристройки 7,4 x 5,7 м. Ее правый северо-восточный угол оформлен двумя ступенями, где был оставлен проем внешнего входа в дом.

Обычай зарывать основания столбов каркаса в грунт к этому времени уже становится традиционным явлением, поэтому следы опор хорошо фиксировались в чесноковской постройке. Вдоль стенок всех трех помещений прослеживались ямки от контурных обводов, несущих стены. Интересно, что основное помещение и боковую пристройку разделяли две каркасные стены, между которыми оставалось длинное и узкое пространство. Оба котлована, несомненно, были перекрыты одной общей кровлей, и между ними оставался сухой тупичок – место хранения домашнего инвентаря или зимнего корма для животных. Соответственно и сама боковая пристройка, вероятно, была предназначена для содержания молодняка скота.

Две осевые линии опор в котловане основного помещения поддерживали продольные маточные балки, роль которых в конструкции каркаса была не равнозначна. Линия опор, смещенная в юго-восточную сторону, играла вспомогательную роль. Она только поддерживала один скат кровли. А столбы второй линии фактически фиксировали ось комплекса, которая проходила от южной стенки основного котлована до центрального столба в передней пристройке. На этих столбах лежали балки верхнего конька, от которого начиналось «падение» скатов единой кровли. Северо-западный скат удлинялся выступом над боковой пристройкой, а юго-восточный сплошной наклонной плоскостью проходил над правой половиной всего комплекса. Уместно предположить, что своеобразное устройство внешнего входа и наличие центрального столба в передней пристройке подразумевают именно шатровое окончание кровли над северо-восточной частью дома (рис. 18, 14).

Основное помещение обогревалось открытым очагом, расположенным по традиции в противоположной входу половине. Около него расчищен развал крупной корчаги, наполовину врытой в пол. Еще один очажок с характерным прокалом грунта зафиксирован в передней пристройке, непосредственно перед тамбуром, ведущим в основное помещение. Он создавал эффект теплоизоляции перед входом. В правом северо-восточном углу жилого помещения расчищены длинная траншея, заполненная золой, и подпрямоугольная хозяйственная яма. Местами вдоль стенок прослеживались полосы золы просочившегося снаружи утеплителя.

Организация внутреннего пространства чесноковской постройки красноречиво свидетельствует о расширении именно жилой сферы строения и частичного выведения за ее пределы хозяйственных объектов. Котлован основного помещения был предназначен исключительно для жилья. Заполненная золой траншея, по мнению ряда исследователей, – это приходящий на смену земляным нарам новый тип спального места с подогревом теплой очажной массой [Зданович Г. Б., 1970. С. 148, 151; он же и др. 1973. С. 448; Итина М. А., 1977. С. 202]. Теплоизолирующее действие дополнительного привходового очага в переднем помещении вполне позволяло использовать в качестве жилья всю основную камеру, а не только ее заднюю, противоположную входу часть. Поэтому и спальное место с подогревом не тяготеет к очагу, как это было с земляными нарами в более ранних постройках.

Некоторые артефакты отражают достаточно полно выраженный комплекс домашних культов. Погребение около южного края постройки, по местоположению очень напоминающее ситуацию в Преображенке, мы можем предположительно расценивать как посвященное жилью человеческое жертвоприношение. А в южном углу основного помещения зафиксирована ритуальная площадка, в центре которой, в специальном углублении, вертикально располагался каменный фаллоидный предмет с двумя незаконченными встречными сверлинами (рис. 32, 27). Вокруг него расчищена серия мелких ямок с посвященными символическими жертвами (обломки костей, створки раковин, мелкие фрагменты керамики). Фаллические культы, широко распространенные на востоке в большом хронологическом диапазоне, издревле были связаны с символикой плодородия и земледелием. Предположение о том, что в круг занятий обитателей Чесноковского поселения, помимо пастушеского животноводства, входило также и земледелие, косвенно подтверждается находкой крупной мотыги типа массивного кетменя, изготовленной из кварцита. Керамический комплекс Чесноковского поселения характерен значительными изменениями, касающимися, прежде всего, процентного соотношения отдельных его типов (рис. 31, 32). И хотя по-прежнему перевес имеют баночные формы (закрытые – 21,9 %, прямостенные – 14,6 %), заметно возрастает удельный вес

острореберной посуды, и особенно типы прямоплечих (12,1 %) и вогнутоплечих (14,6 %) горшков. Заметим (!), столько же составили типы прямостенных банок и коротковенчиковых сосудов (группа слабопрофилированных). В этой же группе совсем исчезает тип с раструбовидным венчиком.

В декоре некоторых сосудов отчетливо проявляются заимствованные в соседней алакульской культуре сюжеты орнаментации – меандр, многорядный зигзаг, косо свисающие цепочки. Небольшое количество покровских признаков отразилось в керамике как отживающие реминисценции. Толченой раковины в примеси уже нет, отсутствуют и характерные расчески, желобки и реберчатость на внутренней стороне венчиков некоторых фрагментов не так явно выражены.

Вместе с тем в комплексе чесноковской постройки имеется костяной наконечник стрелы с приостренным черешком и выделенными жальцами. Наряду с костяными трехгранными и кремневыми сейминскими образцами, такие стрелы встречаются в погребальных комплексах покровского времени [Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П., 1985. С. 88, рис. 4, 18]. О том, что стрелковое оружие здесь же и производилось, отчасти может свидетельствовать фрагмент выпрямителя древков стрел, изготовленного из мелкозернистого песчаника.

Фрагмент небольшого сосуда с зауженным устьем, коротким вертикальным венчиком и резным геометрическим орнаментом, размещенным в узких зонах, намечает еще один аспект внешних контактов местного населения, а именно с земледельческими оазисами Средней Азии, где похожая посуда встречается в материалах тазабагъябской культуры Южного Приаралья [Итина М. А., 1977. С. 36, рис. 40, 4]. Определенное сходство с чесноковской постройкой обнаруживают и тазабагъябские полуземлянки, особенно на поселениях группы Кокча [там же. С. 48, рис. 6; с. 53, рис. 9; с. 54-55, рис. 10–12]. Создается впечатление, что приаральские постройки с длинными тамбурами, соединяющими основные котлованы с передними пристройками, – не что иное, как позднейшее развитие именно чесноковского типа.

Аналогии тазабагъябским предвходовым сооружениям (айван), конструктивно идентичным передней пристройке в Чесноково, М. А. Итина находит в работах Л. Бинфорда, исследовавшего постройки культуры «корзинщиков» на американском Юго-Западе, и вслед за ним объясняет их как необходимый элемент южного строения, обеспечивающий вентиляцию жилого помещения. Она особо отмечает, что уровень пола айвана выше, чем пол жилой камеры. Этот же признак зафиксирован в Чесноково.

Интересно, что архаичный «гостевой» дом (мехмонхона) таджиков верховьев Зеравшана, этнографически наблюдавшийся еще в начале нашего века, был оснащен привходовой террасой (айвон), которая выполняла те же функции [Рахимов Р. Р., 1975. С. 78].

Е. Е. Кузьмина отмечала, что каркасно-столбовые дома, до настоящего времени распространенные на Памире и в Северном Индостане, не имеют генетических корней в местном домостроительстве, и традиция их возведения была привнесена туда в процессе расселения индоиранских племен из степной Евразии [Кузьмина Е. Е., 1988. С. 39].

Объясняя появление в Южном Приаралье прямоугольных домов-полуземлянок, М. А. Итина связывает этот факт непосредственно с приходом в среднеазиатский регион срубно-андроновских групп населения из северных степей [Итина М. А., 1977. С. 198].

Вполне вероятно, что время чесноковского построечного комплекса характерно установлением связей степного населения Волго-Уралья со Средней Азией. Не исключено также, что имел место и некий исход отдельных племенных групп в юго-восточном направлении. Во всяком случае, комплексные хозяйственно-жилые постройки, получившие развитие в период становления срубной культуры, исчезают в Волго-Уральских степях вместе с последними покровскими признаками, дольше всего задержавшимися в керамике.

Развитый период

Ксеротермическая фаза, достигшая своего максимума к середине II тыс. до н.э., объективно закрепила процесс консолидации срубных племен степного Заволжья. Суровый аридный климат, оскудевшие в связи с этим пастбища, высокая плотность населения приводили, с одной стороны, к периодическому исходу отдельных племенных групп, а с другой – требовали жесткой регламентации ведения животноводства, поисков новых форм производящего хозяйства и придомных производств, которые могли обеспечить ритм сбалансированного существования во всех обжитых экологических нишах.

Внешне это выражалось в тяготении срубных поселений к пересыхающим речным руслам, изменении характера жилищ, стабилизации керамического комплекса, выразившейся в его слабой изменчивости на протяжении всего развитого периода и практически полном отсутствии инкультурных индикаторов. Керамика – главный культурный показатель данного периода – как бы останавливается в своем развитии, выглядит консервативной и невосприимчивой к внешним воздействиям.

В какой-то мере это было отражением усиливающейся консервативности самого срубного общества, всецело поглощенного борьбой за выживание и сохранение поголовья стад. Именно в этот период в степном волго-уральском регионе окончательно складывается отгонный тип животноводства, связанный с необходимостью посезонного перемещения скота на зимние корма Камыш-Самарских озер, Чижинско-Дюринских разливов и

лиманов Прикаспия, а также строгой пастбищной регламентацией использования местных степных ресурсов. Данная система хозяйствования требовала огромных трудовых затрат большинства мужского населения степных племен Заволжья.

В сравнении с предшествующим «героическим» покровским временем, резко обедняется погребальный обряд, меньше становится металлических изделий, похоже, что потеряны старые контакты с металлоносными регионами, и связи с сопредельными культурами, основанные на натуральном обмене, прекращаются. Таковы основные внешние признаки развитого периода степной срубной культуры.

Для освещения второго, развитого хронологического этапа привлечены материалы 68 поселений, большинство которых, к сожалению, малоинформативны: Максютово, Малоиргизское, Чапаевка 1, 3, Мирный, Милорадовка 1, 3, 5–7, Ивантеевка 1, Мальцев 2, Раевка 4, Подшибаловка, Акимовское, Селезниха, Новозахаркино 1, 2, Хлебновка 1, Натальино 2, 3, Шиншиновка, Орловское, Прогресс, Тарлык 1, Быково 1, 2, Новопривольное 5, Долгое Озеро 1, Камелик 2, Светлое Озеро 3, 12, Моисеиха, Мокрая Клопиха 1, Мост 1, Дьяковка 1–3, Шульц 1, Смирново, Новоникольское, Болхуны, Алтата 1–3, 6, 7, 10, 11, 13–15, 17, Советское, Камышово 2, Новорепное 2, Варфоломеевка 1, Узенное, Мокрушинское, Новостепное, Федоровское, Лягушечное, Джангала, ТС-III, Тау-Тюбе, Джамбул, Вавилово 3, Разъезд–250 км (рис. 19).

В ядро выборки включены только 5 памятников. На двух из них (Максютово и Быково 2) были полностью исследованы постройки, на одном (Малоиргизское) раскопана часть жилища и еще два (Чапаевка 3 и Мирный) располагают самыми представительными керамическими сериями. Кроме того, комплекс Мирного содержит данные об уникальном святилище.

Поселение Максютово – один из самых ранних комплексов развитого периода. Оно расположено на правом берегу Камелика, на традиционном пути с Волги на Урал. Исследованное в 1938 году [Синицын И. В., 1949. С. 200–205], оно долго сохраняло в литературе позиции одного из эталонных (наряду с Успенкой) памятников бытовой срубной культуры степного Заволжья.

Прямоугольный котлован постройки был ориентирован с юго-востока на северо-запад. Тамбур ступенчатого входа оборудован в южной продольной стене, ближе к юго-восточному углу (рис. 20, 1). Напротив него, в северной стене, устроен очаг по типу камина в виде подпрямоугольной ямы, углубленной относительно пола и выступающей за пределы стены в северном направлении. Очаг был заполнен золой и мелкими углями. В юго-западном углу постройки выявлены земляные нары, около восточной стены столбовая ямка. Автор раскопок предполагал, что кровля строения была двускатной.

В статье по классификации срубных построек степной зоны данное сооружение было отнесено к 1 подтипу 2 типа чисто жилых построек [Лопатин В. А., 1992. С. 71–72] и охарактеризовано как однокамерное компактное помещение с выходом в боковую сторону и очагом, устроенным иногда по принципу камина в вырытой стенной нише. Главное отличие максютовской полуземлянки от предшествующих (комплексных хозяйственно-жилых) строений заключается в полном отделении подсобных помещений от жилья. Можно лишь предполагать наличие на поселениях этого времени специальных загонов для скота, помещений для производственных процессов и хранения продуктов жизнеобеспечения – пока конкретными фактами мы не располагаем.

Для интерпретации максютовской постройки весьма ценными представляются сведения, сообщаемые Р. Р. Рахимовым, о так называемых «гостевых» домах таджиков Зеравшана. Этот своеобразный тип построек, относящийся, скорее всего, к атрибутике традиционного ритуала почитания гостя, донес до наших дней ряд конкретных терминов, обозначающих конструктивные детали каркасного строения, в древнейшей этимологии которых трудно усомниться. Различались общественные дома для гостей (мехмонхонаи байни) и частные (мехмонхонаи хусуси). Общинные мехмонхонаи байни сооружались на основе совместного труда (хашар) жителей сельского квартала (гузар). Здесь обычно оказывали гостеприимство путнику – лицу, постороннему для данного селения. Кроме того, мехмонхонаи байни служило местом собрания мужского населения для совместных трапез (своеобразный мужской клуб). Члены собрания по очереди представляли угощение (дастурхон). Такие собрания назывались «гаштак» (буквально переход очереди от одного лица к другому). Число участников собрания не было строго дифференцировано по возрасту и колебалось от 15 до 60 человек [Рахимов Р. Р., 1975. С. 75–78].

Мехмонхона представляла собой прямоугольную в плане постройку, состоящую из основного помещения, передней (дахлез) и продольной крытой террасы (айвон). Конструкция дома каркасная. Основа стен – двурядный каркас (кушсинч) – закладывался сырцовым кирпичом, снаружи стены обмазывали глиной, смешанной с мелкой соломой (ках). Кровля состояла из деревянных балок (болор), пространство между которыми забиралось жердями (васса). Поверх васса укладывали стружки (парахча) и покрывали земляной засыпкой и глиной с соломой. Фасад строения обязательно был ориентирован на юг (сравним с южной ориентировкой входа максютовской постройки!)

В переднем помещении, справа от входа, устраивали очаг типа камина (касаба). В противоположной от него стороне находился вход в основное помещение, где был очаг обычного типа (сандали). Над касаба, прямо в стене, устраивали дымоход, заканчивающийся на крыше специальным

колпаком (мурин). Если касабба был функционально универсален (для тепла и приготовления пищи), то другой тип камина – кашкарча – выполнял только отопительные функции. Он встраивался непосредственно в основание стены на уровне пола и имел вид трубы, проходящей по стене вверх [Рахимов Р. Р., 1975. С. 78–80].

Зеравшанские сандали основных помещений мехмонхона закладывались горячими углями для обогрева. Вполне вероятно, что ферганские и гиссарские курные типы мехмонхона, где в обычной яме, устроенной в центре помещения, в присутствии гостей сжигали хворост, а над очагом в крыше имелось отверстие для вытяжки дыма, были архаичным прототипом зеравшанских домов. О подобной архаике у таджиков Зеравшана оставалось в то время лишь смутное воспоминание в виде курных пристроек к мечетям (худжра) [там же. С. 83].

Несомненно, ритуальные гостевые (мужские) дома ираноязычных народов предгорий Памира сохранили многие конструктивные особенности и терминологию, восходящие к древнейшей строительной традиции индоиранцев степной Евразии: каркасная конструкция постройки, южная ориентировка фасада, земляной пол (котлован), прямоугольная форма дома, внутренняя планировка, устройство очагов и способы обогрева помещений – все эти признаки наблюдаются в степном регионе на археологических материалах, в частности, на примере постройки из Максютото.

Ритуальная направленность припамирских мехмонхона и поразительное их сходство с максютотским вариантом традиционной постройки позволяют предполагать возможность зарождения некоторых обычаев, наблюдаемых в данный момент этнографически, уже в ранние отрезки истории индоиранцев. Географическое расположение Максютотского поселения – на традиционном пути с Волги на Урал – не отвергает вероятности того, что его обитатели были знакомы с древнейшими законами гостеприимства.

В отличие от традиционных строений Припамирья, постройка из Максютото вряд ли имела поперечную перегородку, разделявшую основное и переднее помещения. Она представляется как однокамерное, сугубо жилое сооружение, обогревавшееся одним касабба, на котором также готовили пищу. Археологически здесь не фиксировались также признаки крытой привходовой террасы – айвона, хотя сильно выступающий за пределы котлована тамбур входа обязательно должен был иметь хотя бы легкий навес, отводивший от жилища дождевую воду. Но по основным показателям максютотский вариант, несомненно, принадлежит к числу древнейших прототипов традиционного строения, черты которого угадываются в строительной архаике Ферганы, Гиссара и Зеравшана.

Керамический комплекс Максютотского поселения (рис. 20, 2–32), который ранее был включен в статистический анализ и сравнение [Лоп-

тин В. А., 1987], представлен всеми основными типами, кроме сосудов с раструбовидными и вертикальными венчиками из группы слабопрофилированных. Абсолютное большинство традиционно составляют банки, особенно закрытые (47,2 %) и прямостенные (11,1 %). Довольно значим удельный вес острореберных сосудов, среди которых более всего прямопечих (9,72 %).

Это наиболее ранний комплекс развитого периода, и здесь еще сохраняются отдельные реминисценции предшествующих покровских традиций, фиксирующиеся в виде слабых включений толченой ракушки в немногих фрагментах, а также некоторых элементов орнамента.

В первой работе я относил этот комплекс к концу покровского времени, располагая именно указанными выше немногочисленными признаками и не имея других данных [там же. С. 136]. Новые материалы, особенно факт полной смены конструктивных признаков жилья, заставляют пересмотреть прежнюю позицию и помещать максютовский комплекс в хронологический период развитой срубной культуры.

Очевидно, время бытования Максютовского поселения все еще характеризовалось некоторыми контактами с восточным андроновским миром (возможно, причина тому – положение его на традиционном пути широтных перемещений), – иначе чем объяснить наличие в местной керамике черт алакульско-федоровской орнаментики (рис. 20, 22) ?

Из других категорий максютовских находок заметны костяная проколка, глиняные пряслица, крышка с наклепной ручкой, фрагмент колесика с прочерченными линиями, имитирующими спицы (рис. 20, 33–37).

На поселении Малоиргизское автором была исследована часть котлована полуземляночной постройки, по основным своим показателям сходной с максютовским вариантом (рис. 21, 1). В частности, отмечено, что постройка имела прямоугольную форму, каркасно-столбовую конструкцию и далеко выступающий в юго-восточном направлении узкий тамбур пологого входа, перекрывавшийся, кстати, навесом, что очевидно по зафиксированным здесь столбовым ямкам. Так же как и в Максютово, вход устроен в длинной стене, а фасад ориентирован в южный сектор.

С данным вариантом жилья сближается полностью исследованная постройка на поселении Быково 2 (рис. 23, 1). Подпрямоугольный котлован с округленными углами, выступающий в южную сторону тамбур пологого входа, открытый очаг в северо-восточной части постройки, следы зольной обваловки стен, скопление ям в центре, две из которых хозяйственные, – таковы основные археологически зафиксированные признаки быковского сооружения.

Объективно малоиргизский и быковский варианты представляются конструктивным развитием несколько более раннего максютовского строения с заметным упрощением некоторых деталей (округление углов

котлована, отсутствие ступеней у входа, иное устройство очага). С другой стороны, упрощенный вариант жилья с самого начала мог развиваться синхронно. В первой публикации максютовских материалов содержатся сведения (к сожалению, не проиллюстрированные) о второй землянке, описательная характеристика которой сходится с быковской [Синицын И. В., 1947. С. 142]. Среди признаков упрощения немаловажно сокращение длины котлована, которое неизбежно должно было привести к изменению конструкции кровли, а именно к замене двускатной крыши длинного дома на шатровую, более удобную при квадратной планировке. Не исключено, что некоторые сдвиги в этом отношении уже имели место в случае с быковским вариантом. Здесь не выявлено ни одной ямки контурного обвода вдоль стен, зато прослежено компактное скопление столбовых ям в центре котлована.

Если комплексные хозяйственно-жилые постройки предыдущего хронологического этапа были, каждая по-своему, весьма оригинальны и почти не имели прямых аналогий, что можно расценивать как становление, нарастающее развитие в поиске оптимальных форм, то устойчивый тип жилищ развитого периода, в некотором смысле, можно считать отражением канонизации основных принципов домостроения на всем ареале распространения срубной культуры. Аналогичные конструкции построек встречаются в срубных материалах на широкой территории от Донского бассейна до Приуралья. Постройки 4 и 7 многослойного поселения в верховьях Северского Донца с материалами срубной, белозерской и бондарихинской культур показывают, что данный тип строений, появившийся в развитое срубное время, оказался довольно устойчивым и для финальных этапов позднебронзового века [Смирнов А. С., Сорокин А. Н., 1984. С. 138–149]. Авторы исследований особо подчеркивают сходство своих землянок с вариантами Максютово и Быково 2.

Постройка квадратной формы со ступенчатым входом и центральным очагом, исследованная на Ляпичевом Хуторе [Круглов А. П., Подгаецкий Г. В., 1935. С. 122–123, рис. 25], возможно, уже была оснащена шатровой кровлей. Здесь выявлены ямы от мощных центральных столбов и контурный обвод опор вдоль стен котлована. В остальном ляпичевская землянка абсолютно идентична волго-уральским экземплярам, в том числе и ориентировкой фасада.

Постройка, раскопанная Ю. А. Морозовым на Исмагиловском селище в Башкирии [Морозов Ю. А., 1985. С. 66], близка максютовскому варианту устройством входа в продольной стене, ближе к юго-восточному углу. Автор особо указывает на отсутствие в котловане каких бы то ни было хозяйственных объектов и интерпретирует его как сугубо жилое помещение.

Таким образом, несмотря на весьма ограниченный круг материалов по постройкам развитого периода, мы, тем не менее, констатируем опреде-

ленные изменения, происшедшие в развитии строительной традиции срубных племен на всей территории их обитания. Эти изменения выразились в сокращении длины котлована, перемещении входа в продольную сторону, в появлении новых типов очагов, замене двускатной кровли на шатровую, в отделении от жилья всех хозяйственных площадей и объектов, наконец, в канонизации основных принципов домостроения, что также можно расценивать как нарастающую консервативность культуры, усиление тенденции замкнутости срубного общества и его пространственной самоизоляции.

Керамика Малоиргизского и Быковских поселений малоинформативна (рис. 21, 2–8; 23, 2–17). Определенно можно говорить лишь о явном преобладании баночных форм, традиционной орнаментации и полном отсутствии инокультурных индикаторов.

Значительно лучше, выборкой из 375 сосудов, представлен керамический комплекс поселения Чапаевка 3, частично раскопанного автором на Малом Карамане [Лопатин В. А., 1985. С. 159]. Он характеризуется как типично срубный, хорошо развитый, с традиционной орнаментикой (рис. 21, 11–35). Абсолютно преобладают сосуды баночных форм, особенно закрытой профилировки (62,13 %), и на этом фоне особенно показательно снижение доли слабопрофилированных и остросереберных типов. Отдельные экземпляры в этих группах украшены с особой пышностью, причем в сложных композициях иногда присутствуют архаичные элементы – кольцевидные оттиски.

Отдаленное сходство с некоторыми сюжетами декора алакульской культуры Зауралья обнаруживает орнаментация в виде «уточек» и веерообразных треугольников, отмеченная на двух чапаевских фрагментах.

Поселение около пос. Мирный (бывш. Friedenberг) было исследовано автором в 1981–1982 гг. [Лопатин В. А., Миронов В. Г., 1982. С. 156]. Оно расположено в среднем течении р. Еруслана, в пограничье степи и полупустыни (рис. 22, 1). В сложной стратиграфии памятника заметно отразились некоторые моменты смены климатических фаз в степном регионе. Время жизни срубного поселения совпадает с апогеем ксеротерма, и поэтому памятник вплотную приближен к пересыхавшему в тот период Еруслану. Сорокасантиметровый срубный пласт залегает в нижней части пачки отложений. В наступивший затем период относительного похолодания и увлаженности река неоднократно выходила из берегов, и культурный слой был перекрыт мощным супесчаным аллювием. Новая фаза ксеротерма, выпавшая на период позднего средневековья, косвенно подтверждается найденными в верхних слоях фрагментами золотоордынской керамики. Аналогичная картина наблюдается в топографии многих срубных поселений, располагавшихся на малых степных реках.

В северной части раскопа был выявлен интересный комплекс, интерпретированный как ритуальная площадка типа капища (рис. 22, 2). В цен-

тре комплекса – система из трех сильно прокаленных костровых ям, расположенных на линии «север-юг». Сверху ямы перекрыты мощным скоплением золы, мелких углей, обломков посуды и костей животных. По кругу зафиксированы столбовые ямки, образующие кольцо диаметром 3 м. Восточный край комплекса нарушен обвалом берега. С юго-западной стороны в кольце столбовой ограды был оставлен проход на ритуальную площадку. Его ширина составляла 2 м. Возможно, столбы, окружавшие священные костры, служили для подвешивания различных жертвоприношений, которые затем сжигались во время отправления обрядов. Среди немногочисленных сакральных объектов, археологически зафиксированных в материалах эпохи бронзы, даже отдаленной аналогии комплексу из Мирного нет.

Керамика, представленная выборкой из 305 сосудов, абсолютно лишена каких бы то ни было инокультурных элементов или реликтов и характеризует весьма чистый срубный комплекс (рис. 22, 3–17). Процентное соотношение основных типов посуды сближает его с керамикой поселения Чапаевка 3 – то же явное преобладание баночных сосудов и именно закрытого типа (60,65 %), а также заметное снижение доли слабопрофилированных и остросереберных горшков. Орнаментации свойственна крайняя бедность и небрежность в нанесении отдельных элементов. Сложные композиции практически не встречаются. Статистическое сравнение этого комплекса с материалами других памятников показало его принадлежность именно к развитому периоду срубной культуры [Лопатин В. А., 1987. С. 134].

Помимо керамики, материалы Мирного представлены обломком костяной рукояти с резным орнаментом (рис. 22, 14), фрагментом каменного полированного пестика и частью глиняной крышки с бортиком и сквозным отверстием.

Остальные поселения степного Волго-Уралья рассматриваемого периода не раскапывались и представлены исключительно сборами с поверхности и разрушенных участков памятников. Впрочем, некоторые коллекции подъемного материала довольно представительны (Новопривольное 5 – 105 сосудов, Долгое Озеро 1 – 45, Новоникольское – 43, Алтата 10 – 67). Как исключение, выделим селища, на которых проводились разведочные шурфовки и зачистки (Милорадовка 1, Новоникольское, Алтата 10).

Керамические серии компактной группы поселений, расположенных в верховьях Большого Узенья близ с. Милорадовка, малоинформативны и невыразительны (рис. 22, 21, 23, 24, 26–28). Достаточно сказать, что они представлены всеми традиционными типами форм и орнамента. На поселении Милорадовка 1 был заложен разведочный шурф, в котором, помимо керамики и костей животных, был найден костяной грубо огранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 22, 18). Данный тип костяных наконечников мог быть некой промежуточной формой между ранними

трехгранными экземплярами и пулевидными черебаевскими стрелами, которые Н. К. Качалова относит к III этапу своей периодизации памятников Нижнего Поволжья, синхронизируя их с аналогиями в Сабатиновке и культуре Ноа [Качалова Н. К., 1985. С. 45, 54, рис. 2, 67–69].

На поселении Милорадовка 4 были найдены бронзовое височное колечко с сомкнутыми приостренными концами, свернутое из круглой в сечении проволоки, и фрагмент золотой плакировки височной подвески (рис. 22, 19, 20). Такие украшения достаточно часто встречаются в комплексах покровского типа. По мнению Н. М. Малова, это следствие заимствования абашевской традиции, а также контактов с алакульской культурой. Отсутствие в Милорадовке керамики покровского облика, видимо, позволяет предполагать несколько более широкий диапазон существования височных подвесок, плакированных золотом. То же предположение отнесем и к бронзовой обкладке для деревянного сосуда, обнаруженной в пункте Милорадовка 6 (рис. 22, 25).

Кольцо, похожее на милорадовское, имеется в комплексе находок на поселении Хлебновка 2 с Малого Иргиза. Существенная разница состоит в том, что оно не кованое, а отлито в специальной форме. Предмет обнаружен вместе со слитком овальной формы, приостренной, наподобие лезвия, пластинкой, фрагментом графитового сопла (?) и обломком глиняного грушевидного пряслица.

Довольно представительна коллекция керамики из сборов на размытом Волгой поселении Новопривольное 5 (рис. 23, 18–52). Она интересна, пожалуй, лишь некоторыми изменениями в процентном соотношении отдельных типов. Несколько сокращается содержание банок (закрытые – 37,1 %; прямостенные – 18,09 %) и увеличивается доля коротковенчикового типа в группе слабопрофилированных сосудов (18,09 %). В группе острорезных форм начинается некоторое развитие типа вогнутоплечих горшков, а именно прослеживается тенденция более резкой профилировки плеча и зауживание устья (рис. 23, 42). В дальнейшем эта категория посуды встречается все чаще. На одном из прямоплечих острорезных сосудов Новопривольного отмечен орнамент, напоминающий некоторые алакульско-федоровские композиции декора (рис. 23, 44).

Аналогичная картина прослежена на примере керамики поселения Долгое Озеро 1, где сохраняется тенденция уменьшения удельного веса банок (28,8 % закрытых и 15,5 % прямостенных) и некоторого увеличения содержания сосудов группы слабопрофилированных (коротковенчиковые – 20 %; с вертикальным венчиком – 13,3 %).

Некоторые изменения наблюдаются в это время в технике формовки венчиков сосудов. Появляются типы утолщенных изнутри венцов и приостренных краев устьев, как, например, в комплексе поселения Камелик 2.

Этот признак позже получает широкое развитие в керамике поселений первого этапа хвалынской культуры валиковой керамики (ХКВК) лесостепного правобережья.

По процентному соотношению типов керамические комплексы поселений Новоникольское (рис. 24, 1–17, 20–22) и Алтата 10 довольно близки комплексу из Максютово и, возможно, относятся к группе наиболее ранних памятников развитого периода. Здесь лишь несколько выше содержание коротковенчикового типа в группе слабопрофилированных сосудов (18,6 %). В Новоникольском необычно высока доля прямостенных банок (34,8 %), что превосходит даже показатель закрытого типа данной группы (32,5 %).

Кроме того, в коллекции Новоникольского имеется целый экземпляр глиняного пряслица цилиндрической формы, полностью аналогичного пряслицу из Максютово (рис. 24, 18). Вполне вероятно, что тип глиняных цилиндрических пряслиц появляется именно на развитом этапе, сменяя более архаичные костяные экземпляры полусферической формы и сосуществовая с глиняными грушевидными.

В это же время развивалось и большинство поселений алтатинской, узенской, деркульской, ерусланско-торгунской и иргизских групп памятников.

Особняком стоит вопрос о прикаспийских комплексах развитого периода: Джангала, ТС-III, Восточный 1, Селитренное, Тау-Тюбе, Сазды, Джамбул, Кошелак, которые являются остатками сезонных стойбищ пастухов, временно бытовавших в периоды зимних выпасов скота. Полупустынные районы Прикаспия вряд ли входили в ареал постоянного обитания срубных племен, тем более в период жесткой аридизации климатического фона. Они эксплуатировались как экономический субрегион, как неиссякаемая база зимних кормов. Именно в расчете на нее и был отлажен трудоемкий, но весьма надежный тип отгонного животноводства. Материалы дюнных стойбищ Прикаспия практически ничем не отличаются от массовых керамических серий степных поселений, и это не удивительно, поскольку оставлены они были одним и тем же населением.

В целом развитый период срубной культуры степного Волго-Уралья характерен тотальным замедлением динамики всех основных культурообразующих процессов, а именно унификацией жилищ и керамического комплекса. Постройки однообразны по своим конструктивным показателям, а незначительные изменения процентного соотношения отдельных типов керамики представляются не развитием во времени, а, скорее всего, отражением мозаичности самой культуры. Относительная стагнация срубного общества в этот период была следствием напряженной трудовой занятости населения, связанной с отгонным типом животноводства, а также ослаблением межкультурных связей. Слабовыраженные признаки контак-

тов с алакульско-федоровскими племенами, изредка проявляющиеся в орнаментике сосудов, не следует рассматривать как постоянное взаимодействие. Они носили эпизодический, а возможно и опосредованный характер. Местом таких случайных пересечений соседних традиций, вероятно, были как раз сезонные зимние пастбища «интернационального» экономического субрегиона Прикаспия, низовья Волги и Урала.

Позднесрубный период (динамика финала)

Рассматривать финал срубной культуры Поволжья неоднозначно, т.е. не только по линии вычленения и постепенного преобладания в срубных комплексах материалов культур валиковой керамики (КВК), стало возможным с постановкой вопроса о памятниках нурского типа [Агапов С. А. и др., 1976. С. 121]. Н. К. Качалова осуществила пространственный анализ комплексов с нурской керамикой и представила описательную характеристику материалов, особо подчеркнув типологическое сходство некоторых категорий посуды с позднесрубной керамикой. В частности, указывалось, что зона распространения дюнных нурских стоянок – заволжско-казахстанские степи и полупустыня Прикаспия. Для них характерна керамика грубых замесов и неровного обжига, баночные и горшковидные сосуды с утолщенными и грибовидными венчиками, иногда с защипными и рассеченными валиками, проходящими по шейке, небрежно орнаментированными прочерченными линиями, глубокими округлыми вдавлениями, образующими с обратной стороны выпуклости-жемчужины, пальцевыми оттисками и защипами. Отмечен переходный характер нурских стоянок, а также их возможная синхронность с погребениями переходного (киммерийского) времени [Качалова Н. К., 1985. С. 47–48, 59, рис. 6].

Вместе с переходными погребальными комплексами кратковременные нурские стоянки достаточно емко характеризуют эпоху, когда оседлое население Волго-Уралья приходит в движение на грани бронзового и железного веков. Вероятно, этот процесс проходил на фоне коренной ломки хозяйственных структур степной и лесостепной Евразии, нового рассредоточения населения с различными типами производящего хозяйства. Одной из причин этих подвижек могла быть новая смена климатических условий, а именно, окончание ксеротермической фазы и нарастающее увлажнение степи. Не случайно территориальное распространение нурских и киммерийских памятников в степном Волго-Уралье имеет явно выраженный акцент смещения в аридные, полупустынные широты.

Вместе с тем было бы ошибкой считать, что смена хозяйственно-культурных традиций в степи носила резкий, скачкообразный характер.

Новые тенденции нарастали постепенно, частично или полностью замещая предшествовавшие культурные компоненты, составлявшие облик местной срубной культуры.

Отметим, к примеру, что один из самых характерных признаков нурской керамики (перешедший позднее на некоторые типы савроматской посуды) – глубокое вдавление с «жемчужиной», равно как и хвалынский налепной валик, эпизодически возникают уже на относительно ранних бытовых комплексах. Наряду с ними, в срубном комплексе появлялись прежде и другие чуждые элементы: ракушечная примесь и колоколовидность Покровска, петровско-алакульское каннелирование, валики КМК – все они растворились в срубном массиве. Но две указанные инновации – глубокие вдавления-жемчужины и рельефная орнаментация хвалынского типа (кстати, почти неотличимая от алексеевско-саргаринской) очень органично инкорпорировались в срубный массив. И если спонтанное продвижение валиковой традиции, в совокупности с федоровско-бишкульскими элементами, проходило по территории, занятой лесостепными срубными племенами, то нурские (аридные) признаки получили распространение преимущественно в материалах степных памятников.

Группа поселений, в целом олицетворяющая финальный период развития срубной культуры степного Волго-Уралья, одновременно представляет два последовательных этапа этого времени. Первый этап – время нарастания новых тенденций в развитии бытовых комплексов (Осинов-Гай 1, Смеловка 1, Натальино 4, Сор-Айдын 2, Резвое). Второй этап – время частичного, а затем и полного замещения срубных элементов (Озинки 1, Краснополье, Досанг, Исекей, Новопривольное 4, Прапорский Бугор). Причем ядро выборки представляют всего два памятника, имеющие полноценные комплексы (Осинов-Гай 1 и Смеловка 1). Эта группа невелика и разбросана очень широко, от пограничья степи с лесостепью до прикаспийских пустынь (рис. 25).

Поселение Осинов-Гай 1, исследованное И. В. Сеницыным в 1956–1958 гг., – это оригинальный комплекс, характеризующий постройки того времени (и в частности существенные изменения в строительной традиции), керамику начала финальной стадии и некоторые принципиально важные категории инвентаря [Сеницын И. В., 1969. С. 196–207].

Частично разрушенная береговыми оползнями постройка (рис. 26, 1,2) представляет собой длинный прямоугольный котлован, ориентированный с запада на восток и расположенный вдоль реки. Раскопками выявлены ступенчатый вход, устроенный в торцевой восточной стене, земляные нары около южной стенки котлована, один осевой ряд столбовых ямок и обложенный плиточным камнем очаг, размещенный непосредственно перед входом.

В первой работе по классификации эта постройка была отнесена ко 2 подтипу чисто жилых сооружений II типа [Лопатин В. А., 1992. С. 72]. В сравнительном анализе с предшествующими типами (Максютово, Быково) присутствует один главный объединяющий признак функционального характера – выведение за пределы жилья подсобно-хозяйственных объектов. Остальные показатели в корне отличают осинов-гайский вариант от жилищ развитого периода. Поскольку форма этой постройки напоминает успешную, естественно, возникает соблазн поиска генетических линий, восходящих к традициям периода становления культуры. Конечно, не исключено, что в развитое срубное время в степном регионе развивались две линии домостроения – максютовско-быковская и осинов-гайская, исторически связанная с преображенско-успенской. Но для убедительного обоснования этого положения пока не хватает артефактов.

Поиски прямых аналогий в соседних культурах, прежде всего алакульской, федоровской и саргаринско-алексеевской, также оказываются безрезультатными. Принципы многокамерной планировки андроновских построек сохраняются от петровского времени до финала бронзового века.

Существенны различия и в деталях: несколько входов, в том числе угловые, множество очагов, более сложная конструкция каркаса, пирамидально-усеченная кровля [Зданович Г. Б., 1988. С. 140–141, 146, 150]. Вместе с тем описательная реконструкция саргаринских жилищ [Зданович С. Я., 1977. С. 36–37], особенно в той части, что касается внешнего вида поселка, весьма напоминает нашу модель осинов-гайского строения (рис. 26, 2). Конструктивная особенность нашего варианта – одна осевая линия опор – предполагает падение скатов кровли от коньковой балки непосредственно на грунт внешних бортов котлована и отсутствие каркасных стен надстройки. Причем отсутствие столбов около задней стенки котлована и перед входом объясняется только шатровым типом окончаний длинной крыши. Покрытое поверх основы кровли дерном жилище, таким образом, действительно становится похожим на округлый холм и мало заметно на внешнем рельефе местности.

Котлованы более крупных размеров могли оснащаться не одним, а двумя осевыми рядами столбов, как, например, сусканское жилище, которое получило заметно схожую реконструкцию [Мерперт Н. Я., 1958. С. 116, рис. 13].

Оригинальный тип жилища из Осинов-Гая мог сформироваться только в местной среде. Объясняется это, во-первых, все той же консервативностью коренного населения поузенских степей, выработавшего на рубеже развитого и финального периодов свой неповторимый тип чисто жилой постройки, а во-вторых, особенностями местной природно-экологической ниши, где постоянен был дефицит древесины и приходилось обходиться минимумом строевого материала (опорные столбы, коньковая балка, жер-

ди обрешетки), как и в случае с осиново-гайским вариантом. Близость очага к проему входа обеспечивала идеальный теплоизолирующий эффект для всего помещения. Одновременно вход служил и в качестве вытяжки дыма, а специального отверстия в крыше, видимо, не было.

Керамика Осинов-Гайского поселения, безусловно чисто срубная и внешне архаичная, весьма интересна и показательна процентным соотношением отдельных типов (рис. 26, 3–71; 27, 1–34). Так, например, заметно понижается содержание баночных форм (закрытые – 33,64 %, прямостенные 17,19 %), увеличивается доля слабопрофилированных сосудов и именно коротковенчикового типа (25,23 %). Солидный удельный вес группа слабопрофилированных форм приобретает в совокупности с высоковенчиковым (4,11 %) и прямовенчиковым (9,9 %) типами.

Нюансы качественных изменений внутри отдельных типов выражаются в еще большем зауживании устьев некоторых закрытых и биконических банок, а также резком прогибе плеча остросреберных сосудов вогнутоплечего типа и стянутости их устьев. Представляется, что еще в предшествующих комплексах намечались тенденции трансформации указанных типов, а также деградация выпуклоплечих остросреберных горшков приземистых пропорций, которые в период финала вообще исчезают. В ранних комплексах (Трумбицкое, Преображенка, Успенка) богато украшенная остросреберная посуда имела малые и средние размеры, что в свое время позволило И. В. Синицыну высказаться о ее парадном, столовом назначении. В развитом периоде, и особенно на финале срубной культуры, по типу остросреберной посуды все чаще лепят сосуды, значительно превышающие средние размеры, и даже придают реберчатые формы крупным хозяйственным корчагам (рис. 27, 18, 20, 27). Таким образом, прежняя непрременная связь парадности, индивидуальности сосуда с конкретной формой со временем утрачивается.

Композиции декора осиново-гайской посуды заметно упрощаются. В основном, доминируют несложные горизонтальные ряды и линии [Лопатин В. А., 1987. С. 136].

Отметим, что орнаментация некоторых сосудов отдаленно напоминает андронидные сюжеты (рис. 26, 22, 34, 48, 65; 27, 12, 33), хотя внешне комплекс Осинов-Гая представляется архаичным и маловосприимчивым к инокультурным воздействиям.

Опыт по сравнению и корреляции бытовых материалов Заволжья разместил Осинов-Гай на финальном отрезке периодизационной схемы [Лопатин В. А., 1987. С. 134, рис. 1]. Чисто абстрактное удаление его от других известных в то время комплексов по коэффициентам сходства конкретизировалось наличием датирующего артефакта – бронзового наконечника стрелы, и, таким образом, схема обретала равновесие.

Наконечник стрелы с едва выделенной втулкой, ограниченной от пера поперечным валиком, с узкими лопастями и продольными литейными швами (рис. 27, 36) был отмечен автором раскопок как единственная в то время находка подобного рода на поселениях Нижнего Поволжья [Синицын И. В., 1969. С. 205]. Действительно, только в коллекции из Осинов-Гая имеется такой артефакт.

Систематизированные еще в 1929 г. в работе П. Д. Рау двуллопастные втульчатые наконечники составили наиболее ранний тип (овально-ромбические) [Rau P., 1929. S. 31, t. XIV, 2, A-H]. Причем автор небезосновательно относил имеющийся в его распоряжении материал к началу раннего железного века.

А. А. Иессен усматривал генетические корни подобных стрел в формах сейминских копий и поэтому считал их наиболее ранними из втульчатых. Связывая типы двуперых наконечников стрел с северокавказскими памятниками, он датировал этот вид стрелкового оружия VIII в. до н.э. [Иессен А. А., 1954. С. 119–121].

Между тем редкие в степном Поволжье, данные типы наконечников неоднократно фиксировались в материалах памятников финальной бронзы Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири. Три экземпляра, происходящие с Омской стоянки, Н. Л. Членова определила как предшествующие архаичным скифским стрелам [Членова Н. Л., 1955. С. 40, 41, рис. 3, 6–8], и на этом основании продатиговала всю стоянку предскифским временем.

Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова соотносили с западно-сибирскими и казахстанскими стрелами материалы Вуадильского могильника в Ферганской долине, в частности, наконечник из погребения № 218, и, отмечая их типологическую близость, датировали свой памятник X–VIII вв. до н.э. [Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957. С. 133, рис. 4].

При исследовании Алексеевского поселения О. А. Кривцова-Гракова отмечала, что бронзовая стрела, зафиксированная около жертвенника, не могла появиться раньше последних веков II тыс. до н.э., поскольку лишь к этому времени уровень развития металлургии мог позволить использовать металл для изготовления наконечников стрел. Она также относила данные типы к предскифскому периоду [Кривцова-Гракова О. А., 1958. С. 108, 162, рис. 33].

Аналогично интерпретируя стрелу из культурного слоя Первого Сусканского поселения, Н. Я. Мерперт определяет верхний хронологический рубеж памятника концом II – началом I тыс. до н.э. [Мерперт Н. Я., 1958. С. 134, рис. 14, 14].

Возможно, позднейшим развитием таких стрел были черноговорские наконечники киммерийского времени. Во всяком случае, А. И. Тереножкин предполагал, что прототипы черноговорских вариантов следует искать в Сибири и Центральной Азии [Тереножкин А. И., 1976. С. 136].

Казалось бы, из ряда приведенных высказываний следует, что аналогии осиново-гайскому наконечнику, известные в комплексах Среднего Поволжья, Западной Сибири и Средней Азии, могут быть отнесены не ранее, чем к рубежу II–I тыс. до н.э. Это мнение большинства исследователей. Данный факт в свое время вызвал сомнение в принадлежности нашей стрелы к срубной культуре, а саму находку было предложено считать случайностью [Мамонтов В. И., 1980. С. 187].

Между тем более пристальный анализ конструктивных особенностей наконечника из Осинов-Гая обнаруживает его существенные отличия от стрел предскифского времени. Его форма и особенно узость лопастей пера позволяют усомниться также и в генетической близости с сейминскими копьями, которые были оснащены широкими лопастями и отливались в двустворчатых формах. Представляется, что узкие лопасти осиново-гайского экземпляра – не что иное, как механическая подработка (расковка) второго продольного литейного шва, что предполагает отливку таких стрел не в двустворчатых, а в четырехстворчатых формах. Вероятно, наконечник из Осинов-Гая – один из наиболее ранних типов бронзовых стрел срубной культуры, генетически восходящих к костяным пулевидным и грубоограниченным прототипам, известным в Черебаево и Милорадовке. Не исключается также и определенная синстадиальность памятников типа Осинов-Гай, Милорадовка, Черебаево с культурами Сабатиновка, Ноа, Белозерка, Кослодженъ.

Остальной инвентарь осиново-гайского комплекса представлен обломком обушковой части каменного полированного топора, костяными тупиками, глиняной крышкой, аналогичной максютовской и малотарасовской, а также глиняным пряслицем усеченно-конической формы (рис. 27, 35–40). Возможно, будучи близки грушевидным, такие пряслица приходят на смену цилиндрическим вариантам развитого времени.

Статистико-комбинаторное сравнение керамического комплекса Осинов-Гая с материалами лесостепных поселений показало его наибольшую типологическую близость с хвалынскими памятниками правобережья (Новая Покровка 1, Банновка, Ивановка), а также с левобережной Смеловкой 1.

На Смеловском поселении были выявлены котлованы трех построек. Постройка № 1 – овальное длинное полуземляночное сооружение, ориентированное с запада на восток. Каркасно-столбовая конструкция состоит из контурного обвода (правда, не примыкающего вплотную к бортам котлована) и двух осевых рядов опор. Пологий вход устроен в торцевой восточной стене, над ним два внешних столба поддерживали короткий навес. Открытый очаг зафиксирован в центральном понижении котлована, несколько ближе к входу. В задней части понижения расчищена хозяйственная яма с развалами двух сосудов. Не исключено, что некоторая часть переднего пространства была отделена поперечной перегородкой.

Постройка № 2 – котлован подквадратной формы с центральным углублением, своими очертаниями повторяющим внешние края сооружения. Она ориентирована по линии «север-юг». Пологий вход в виде короткого тамбура, устроенный в южной стене, почти вплотную к юго-западному углу, выводит из жилища непосредственно к склону террасы. Очаг, обложенный камнем (возможно, пристенного варианта), зафиксирован около восточного борта котлована, ближе к северо-восточному углу. Отчетливо проявились контурный обвод столбов вдоль стен и две опоры в тамбуре входа, поддерживавшие внешний навес. Группа столбов в центральной части постройки выглядит бессистемной. Возможно, они поддерживали центральную раму пирамидально-усеченной кровли. Здесь же, в центральном понижении, расчищена хозяйственная яма, возле которой лежал череп собаки, а также обнаружены развалы шести сосудов и фрагменты черепа человека. Возле западной стены котлована, за пределами постройки, вскрыто захоронение человека, погребенного вытянуто на спине, головой к северо-западу.

Постройка № 3 – котлован подпрямоугольной формы, ориентированный с юго-запада на северо-восток, также имел небольшое центральное понижение. Вход в виде ступенчатого выступа зафиксирован в северо-восточном углу постройки. Контурный обвод столбовых опор, так же как и в первой постройке, несколько удален от бортов котлована и углом сходится в задней, юго-западной, части жилища. Три коротких осевых ряда опор фиксируются только в передней половине строения. В северо-западном углу размещен обложенный камнем очаг, вероятно, пристенного варианта. Судя по характеру системы опор, кровля постройки была двускатной с шатровым окончанием в задней части.

В целом три варианта смеловских построек сходны со всеми, в том числе поволжскими, строениями степной и лесостепной Евразии. Но ряд частных признаков: овальная форма котлована, удаленность контурных обводов опор от стен, угловые входы, пирамидально-ступенчатая и комбинированная кровли – сближает эти сооружения с жилищами алексеевско-саргаринской культуры [Зданович Г. Б., 1988; Зданович С. Я., 1977].

Некоторыми признаками, возможно, указывающими на развитие местной максютовско-быковской традиции, располагает постройка № 2 (подквадратная планировка, ориентировка фасада в южную сторону, пристенный вариант очага типа «касаба»). Может быть, не случайно архаичные признаки отразились именно в той постройке, где фиксируются элементы домашних культов (ритуальное захоронение, посвященное уже сакральному дому, и черепа человека и собаки – остатки домашних жертвенников). Небезынтересно, что у этнографических папуасов горных районов Новой Гвинеи еще в 30–40-х гг. XX в. наблюдались ритуальные мужские дома

«дубу», в которых хранились особо ценные реликвии племени, в том числе так называемые «куши» – человеческие черепа, инкрустированные бусами и раковинами [Реннэ А. Ф., 1985. С. 47].

Функционально смеловские постройки могут быть отнесены к сугубо жилым сооружениям и, таким образом, они дополняют группу строений 1 подтипа II типа (постройка № 2) и 2 подтипа II типа (постройки № 1 и 3) [Лопатин В. А., 1992. С. 71, 72].

Керамический комплекс Смеловки ярко отражает сложные перипетии начального этапа финала позднебронзового века. Процентное соотношение типов посуды той части комплекса, что продолжает сохранять срубные черты, несколько ближе к показателям развитого времени, чем к осиновогайским. Но несмотря на это, очевидны значительные качественные изменения. Еще больше зауживаются устья баночных и округлобоких сосудов, некоторых острореберных горшков, заметно упрощается орнаментация. Появляются ярчайшие инокультурные индикаторы в виде сосудов с налипшими валиками и воротничками, а также федоровско-бишкульская керамика [Памятники..., 1993. С. 181, табл. 51].

Расчленив время развития валиковых комплексов Поволжья на два последовательных хронологических этапа, Н. М. Малов отнес к первому периоду хвалынской культуры валиковой керамики и поселение Смеловка 1. Кроме того, автор указал основные формирующие компоненты (местная срубная основа и федоровско-бишкульские элементы), а также временные рамки начального этапа – XIII–XII вв. до н.э. [Малов Н. М., 1987. С. 160].

Среди предметов инвентаря Смеловского поселения особое внимание привлекает костяная поясная пряжка, абсолютная аналогия которой имеется в материалах Юкаликулевского поселения, исследованного В. С. Горбуновым и М. Ф. Обыденновым в Башкирии. Она была найдена в комплексе материалов черкаскульской культуры из постройки № 3 [Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф., 1983. С. 41–58]. Несмотря на то что подобранные авторами карасукские аналогии не старше IX в. до н.э., вполне уместно предположить и более раннее существование подобных пряжек. Заметно выделяется также костяной наконечник стрелы с треугольным в сечении пером и длинным черешком, полого затесанным к основанию наподобие лопаточки. Он удивительно близок некоторым типам тагарских наконечников из Минусинской котловины [Киселев С. В., 1949. С. 147, табл. X, 21]. Подобные стрелы известны и в ирменское время, например, на памятнике Каргат 6 [Молодин В. И., 1985. С. 128, рис. 65, 1]. Но типологически данные варианты стрелкового оружия восходят к еще более ранним прототипам кротовского времени [Там же. С. 47, рис. 20; с. 48, рис. 21].

Костяная булава с выделенной головкой, изготовленная из осколка трубчатой кости, представляется позднейшим развитием подобных изделий, известных в Нижнем Поволжье еще с покровского времени [Ма-

лов Н. М., 1992. С. 40, рис. 4, 10, 11]. А глиняное пряслице усеченно-конической формы – абсолютная аналогия осинов-гайскому экземпляру.

В то время, когда глубинные степные районы Заволжья еще заняты срубными племенами, оставившими архаичные комплексы типа Осинов-Гая, в районах поволжской лесостепи и левобережной поймы уже развиваются ранние памятники ХКВК, где, хотя и преобладает срубная посуда с явно усиленной тенденцией к округлобокости, имеется также некоторый процент валиковых, воротничковых и федоровских сосудов.

Одновременно на границе степи и полупустыни начинается становление своеобразного керамического комплекса, наиболее ярко представленного в материалах поселения Резвое (рис. 28, 20–37). Здесь тоже преобладает чисто срубная керамика. Процентное соотношение типов очень близко осинов-гайскому варианту: снижение доли баночных сосудов (закрытые – 30,63 %, прямостенные – 11,36 %); увеличение состава округлобоких форм (коротковенчиковые – 23,86 %; высоковенчиковые – 11,36 %). Качественные изменения выражаются в значительном упрощении орнаментальных композиций, доминируют горизонтальные ряды.

Инокультурные новации проявляются в том, что на сосудах типично срубных форм вместе с традиционной орнаментацией присутствуют горизонтальные опоясывающие ряды глубоких вдавлений, образующих с обратной стороны выпуклости-«жемчужины» (рис. 28, 31–37). Синкретичность данной керамической серии очевидна. И хотя даже технологическая характеристика этой керамики ничем не отличается от срубной, присутствие нового орнаментального элемента, ставшего позднее одним из основных в нурском комплексе, характеризует ее по-новому.

Аналогичный сосуд, изготовленный в виде крупной биконической корчаги, отмечен в коллекции с поселения Натальино 4 (рис. 28, 1–12). Группа собственно срубных сосудов здесь малоинформативна, но по бедности орнаментации и тенденции к зауживанию устьев в целом можно уверенно относить их ко времени Осинов-Гая, Смеловки и Резвого.

Материалы поселений Моховое, Сор-Айдын 1 (рис. 28, 13, 14), Сор-Айдын 2 (рис. 28, 15–19), Новая Школа, происходящие из сборов на Узеньях, Камыш-Самарских дюнах и в Прикаспии, отнесены к начальному периоду финала по таким признакам, как налепные валики и орнаментация в виде бишкульского многорядного зигзага. Отдельные элементы «аридной» орнаментики зафиксированы и в материалах Смеловки, что можно расценивать как следствие контактов раннехвалынских форпостов левобережья с населением глубинных районов пограничья степи и полупустыни.

В настоящее время можно назвать отнюдь не многие керамические серии, похожие на синкретичные сосуды Резвого. Наиболее показательны из них материалы стоянки Копанице 2, исследованной в Подонье [Синюк А. Т., 1981. С. 104–114]. Стоянка отнесена автором к кругу марьянов-

ско-бондарихинских древностей, но, как представляется, группа сосудов традиционно срубных форм и орнаментации, к тому же с глубокими вдавлениями-«жемчужинами», может иметь несколько более раннее происхождение в рамках копанищевского комплекса.

Главным определяющим признаком второго этапа финала срубной культуры степного Волго-Уралья следует считать исчезновение архаичных чисто срубных комплексов типа Осинов-Гая и замещение их смешанными, «аридного» облика. Этот этап представляет небольшая группа памятников, сосредоточенная преимущественно в засушливой зоне Заволжья (Озинки 1, Новопривольное 4, Досанг, Исекей, Прапорский Бугор, Краснополье, Новая Казанка, Водянка, Нижняя Водянка, Титово, Украинка, Культура, Теликовка).

К сожалению, пока не известно ни одной постройки этого периода, хотя не исключено, что она в будущем будет раскопана в Озинках (рис. 29, 1). Поселение Озинки 1, расположенное на сухой старице Большой Чалыклы, было частично исследовано автором в 1984 году. В основе залегает слой эпохи раннего энеолита. Сверху он перекрыт пластом, который содержал каменные и костяные предметы, а также серию керамики синкретичного облика. Главное отличие керамики Озинок от смешанных комплексов первого этапа заключается в заметном изменении глиняной фактуры сосудов (грубый замес, включения крупных частиц отощителей, характерный неровный обжиг, красноватый оттенок внешней поверхности, черепок плотный и тяжелый). Этими показателями характеризуется не только синкретичная керамика, но и чисто срубная по внешнему виду.

Процентное соотношение типов традиционной посуды в целом близко варианту Резвого, хотя здесь имеет место превышение по типу прямостенных банок (16,07 %) и, напротив, понижение доли коротковенчиковых округлобоких сосудов (10,71 %). Некоторые качественные изменения происходят в серии синкретичных сосудов. Упрощается форма – это преимущественно банки. В орнаментике остается меньше срубного и начинают доминировать новые элементы – глубокие беспорядочные оттиски (рис. 29, 20), защипы (рис. 29, 19), неизменно присутствуют глубокие вдавления-«жемчужины» (рис. 29, 23, 24).

Небольшое количество посуды с воротничками и налипными валиками (рис. 29, 21, 22, 25, 26) предположительно можно интерпретировать как следствие эпизодических контактов с хвалынскими племенами. Но территориальное положение Озинского поселения не может исключать также и возможности соприкосновения местного населения с носителями алексе-евско-саргаринской культуры Северного Казахстана. Не исключены также опосредованные и даже прямые контакты с бегазинскими и дандыбаевскими источниками центральноказахстанских культур.

Малоинформативные серии поселений Краснополье, Досанг, Исекей и Новопривольное 4 отнесены ко 2 этапу по принципу преобладания или тенденции нарастающего преобладания «аридных» признаков над срубными (рис. 30). Кроме того, здесь встречаются яркие синхронизирующие элементы. Например, фрагмент венчика с воротничком из Краснополя (рис. 30, 5) близок некоторым вариантам Танавского городища [Изотова М. А., Малов Н. М., 1992. С. 105, рис. 4, 6].

Более сложным представляется набор материалов, собранных на полностью разрушенном поселении Новопривольное 4 (рис. 30, 18–28). Чисто условно он воспринимается как смешанный «аридный». Вполне возможно, что часть находок относилась к более ранним срубным периодам, чему не противоречит обнаруженный здесь кремневый наконечник стрелы (рис. 30, 28). Но несколько фрагментов керамики несомненно относятся к заключительной фазе срубной культуры (рис. 30, 25, 27).

В переходное (киммерийское) время срубные признаки не фиксируются в керамических комплексах бытовых памятников Волго-Уральских степей. Это уже не долговременные поселения, а временные сезонные стойбища скотоводов-кочевников. Здесь на поверхности лежит только нурская керамика. Эта группа памятников (Новая Казанка, Водянка, Нижняя Водянка, Титово, Украинка, Культура, Прапорский Бугор, Теликовка) открывает новую эпоху в истории степных племен Волго-Уралья – ранний железный век.

ГЛАВА V

Некоторые вопросы относительной периодизации и хронологии

Общий анализ материалов поселений степного Волго-Уралья по основным признакам, характеризующим постройки, керамику, фрагментарные стратиграфические данные, предметы инвентаря, позволяет наметить последовательность в их развитии – от ранней фазы становления до финала бронзового века. Причем наиболее заметна динамика культуры была в процессах становления и совершенствования строительной традиции, а также в начальной и финальной фазах развития керамического комплекса, когда поселения очень чутко реагировали на воздействия сопредельных культур. И, напротив, средний (так называемый «развитый») период по тем же показателям представляется временем стабилизации основных культуuroобразующих признаков и даже некоторой стагнации в развитии.

На основании вышеизложенного для всей истории срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья предлагается трехчленная схема периодизации: 1 – раннесрубный период с начальной фазой становления, вырастающей из эпохи средней бронзы; 2 – развитый период – время стабилизации и относительной стагнации, которое на базе имеющихся материалов невозможно разделить на какие-либо этапы, отражающие динамику культуры; 3 – позднесрубный период, состоящий из двух последовательных этапов.

Малочисленность и общая невыразительность датирующего инвентаря, встречающегося в комплексах поселений нашего региона, позволяют, в лучшем случае, наметить приблизительные хронологические рамки выделенных периодов и этапов. Поэтому основной упор в данной работе делается на попытку синхронизации с известными периодизационно-хронологическими схемами по срубной культуре Волго-Уралья, с привлечением реликтовых и инокультурных индикаторов, содержащихся в местных комплексах.

Ранняя фаза становления культуры, в общих чертах, характеризуется зачаточным, примитивным обликом керамики и наличием в первичных комплексах местных полтавкинских реликтов, а также отдельных катакомбных элементов, не исключала бытования в Волго-Уральском междуречье остаточных (с эпохи средней бронзы) групп населения, принявших участие в сложении комплексов потаповского типа, датируемых XVII в. до н.э. [Кузнецов П. Ф., 1993. С. 74]. Эта же дата предлагалась для поздней

ГЛАВА V

Некоторые вопросы относительной периодизации и хронологии

Общий анализ материалов поселений степного Волго-Уралья по основным признакам, характеризующим постройки, керамику, фрагментарные стратиграфические данные, предметы инвентаря, позволяет наметить последовательность в их развитии – от ранней фазы становления до финала бронзового века. Причем наиболее заметна динамика культуры была в процессах становления и совершенствования строительной традиции, а также в начальной и финальной фазах развития керамического комплекса, когда поселения очень чутко реагировали на воздействия сопредельных культур. И, напротив, средний (так называемый «развитый») период по тем же показателям представляется временем стабилизации основных культуuroобразующих признаков и даже некоторой стагнации в развитии.

На основании вышеизложенного для всей истории срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья предлагается трехчленная схема периодизации: 1 – раннесрубный период с начальной фазой становления, вырастающей из эпохи средней бронзы; 2 – развитый период – время стабилизации и относительной стагнации, которое на базе имеющихся материалов невозможно разделить на какие-либо этапы, отражающие динамику культуры; 3 – позднесрубный период, состоящий из двух последовательных этапов.

Малочисленность и общая невыразительность датирующего инвентаря, встречающегося в комплексах поселений нашего региона, позволяют, в лучшем случае, наметить приблизительные хронологические рамки выделенных периодов и этапов. Поэтому основной упор в данной работе делается на попытку синхронизации с известными периодизационно-хронологическими схемами по срубной культуре Волго-Уралья, с привлечением реликтовых и инокультурных индикаторов, содержащихся в местных комплексах.

Ранняя фаза становления культуры, в общих чертах, характеризуется зачаточным, примитивным обликом керамики и наличием в первичных комплексах местных полтавкинских реликтов, а также отдельных катакомбных элементов, не исключала бытования в Волго-Уральском междуречье остаточных (с эпохи средней бронзы) групп населения, принявших участие в сложении комплексов потаповского типа, датируемых XVII в. до н.э. [Кузнецов П. Ф., 1993. С. 74]. Эта же дата предлагалась для поздней

«полтавки» Поволжья на основании аналогий с кавказскими металлами [Васильев И. Б., Габяшев С. С., 1982. С. 13].

Но наличие в комплексе такого раннего памятника, как Березовка, ярких элементов катакомбной орнаментации (рис. 2, 29–32, 34) позволяет предполагать сходство или взаимодействие подвижного раннесрубного населения с позднекатакомбными племенами, задержавшимися в лесостепном Правобережье, а, возможно и проникавшими в Заволжье. Самая поздняя радиоуглеродная дата для катакомбных материалов, полученная в Луганской области, – 1610 г. до н.э. [Телегин Д. Я., 1993. С. 71] не исключает подобного явления.

Поэтому предположительно время появления раннесрубных бытовых комплексов степного Заволжья можно пока определить второй половиной XVII в. до н.э.

Раннесрубный период нашей схемы по ряду показателей сближается с датировками, предложенными Н. К. Качаловой для I этапа периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья по материалам погребений, – XVI – начало XV вв. до н.э. [Качалова Н. К., 1985. С. 43]. В это время начинается становление местной традиции домостроения, появляется характерная керамика срубного типа, прослеживается проникновение петровско-синташтинских элементов (рис. 4, 25; 11, 10, 11; 12, 22–24), которое не следует рассматривать как некую экспансию извне. Скорее, именно срубные племена осваивают некоторые лесостепные территории Приуралья, Среднего Поволжья и Волго-Донского междуречья. И результатом данного взаимодействия становится формирование памятников покровского типа и поселений, оставленных смешанным населением. В данной ситуации фактор Синташты, Потаповки и Покровска представляется явлением надстроечного, социального порядка. Престижный стиль очень скоро был усвоен племенной верхушкой как лесостепных, так и степных срубных племен. Как уже было отмечено выше, в это время оформляются два варианта (чистый степной и смешанный лесостепной) единой срубной культуры, взаимодействие между которыми было постоянным. Именно поэтому раннесрубные и покровские сосуды составляют на степных поселениях единые комплексы, что хорошо видно на материалах Преображенки. Здесь, кроме указанных раннесрубных, реликтовых, петровских черт, присутствуют и элементы покровска (рис. 12, 6–16). Динамика взаимоотношений двух вариантов культуры хорошо иллюстрируется на пограничных памятниках присутствием в керамических комплексах серий сосудов покровского типа, от самых ранних форм до пережиточных (рис. 13; 14; 6, 41–51).

Кремневые сейминские и костяные наконечники стрел, выявленные на раннесрубных поселениях Волго-Уралья, находят широкие аналогии в престижных погребальных комплексах покровского времени. Вместе с другими предметами вооружения они атрибутировали погребальную обрядность социально значимых представителей общества не только сруб-

ных и покровских, но и петровско-синташтинских и потаповских племен [Малов Н. М., 1991. С. 39]. Вряд ли будет ошибкой помещать такие наконечники в рамки XVI в. до н.э.

Фрагмент каменного топора с ограниченным обушком из Преображенки имеет ряд аналогий в культурах многоваликовой керамики Украины [Березанская С. С. и др., 1986. С. 27, рис. 9, 9; с. 31, рис. 10, 14; с. 35, рис. 13, 7]. Правда, наш вариант не реконструируется из-за отсутствия лезвийной части (рис. 9, 7). Украинские археологи синхронизируют позднюю КМК с раннесрубной культурой Волго-Донья и датируют ее второй половиной XVI – началом XV вв. до н.э. [там же. С. 35, 39].

Датировка литейных форм для крестовидных подвесок из Скатовки (рис. 13, 46, 47) по аналогиям в петровских материалах определяется рамками XVII – XV вв. до н.э. [Потемкина Т. М., 1985. С. 263, рис. 106, 81; с. 265, рис. 107, 140, 165, 171].

Еще более конкретная дата указывается для бронзовых тесел с секировидным лезвием в тех же комплексах петровского этапа – XVI в. до н.э. [там же. С. 265, рис. 107, 121]. Небезынтересно, что в нашем комплексе из Преображенки аналогичное тесло (рис. 8, 7) присутствует вместе с керамикой петровского типа.

М. А. Итина определяет нижнюю границу существования стоянок группы Кокча Тазабагъябской культуры, где возводились постройки, конструктивно схожие с нашим чесноковским вариантом (рис. 18, 13, 14), XV в. до н.э. [Итина М. А., 1977. С. 145]. Комплекс Чесноковского поселения отражает процесс окончательного изживания остаточных покровских элементов в срубной культуре и одновременно направленность степной диффузии на среднеазиатские древнеземледельческие очаги.

Таким образом, раннесрубный период развития культуры, без начальной фазы становления, можно предположительно поместить в рамки XVI – первой половины XV вв. до н.э.

Не исключено, что отдельные сильно размытые реминисценции покровских черт (особенно в керамике и предметах украшений) могли задержаться и в развитое время срубной культуры. Но этот новый период был характерен совершенно иными, уже канонизированными принципами домостроения, стабилизировавшимся в традиционно срубных показателях керамическим комплексом и отлаженной, рассчитанной исключительно на местные ресурсы системой хозяйства.

Единственный предмет, имеющийся в нашем распоряжении и подтверждающий дату развитого времени, - костяной наконечник стрелы из Милорадовки (рис. 22, 18), который можно рассматривать только в качестве прототипа пулевидных черебаевских стрел. Аналогии черебаевским наконечникам Н. К. Качалова усматривает в западных культурах (сабатиновская и Ноа), которые неплохо продатированы [Качалова Н. К., 1985. С. 45]. Но если считать милорадовскую стрелу предшественницей черебаевских, то уместно предполагать и несколько более раннюю ее дату. Пулевидные

наконечники из Черebaево и бронзовый экземпляр из Осинов-Гая помогли Н. К. Качаловой определить нижнюю границу третьего этапа ее периодизации XIII в. до н.э. [там же. С. 45]. Этот рубеж можно принять за верхнюю дату и нашего развитого этапа, определив, таким образом, его границы второй половиной XV – рубежом XIV–XIII вв. до н.э. На протяжении данного хронологического среза как раз и мог проходить процесс развития местных костяных наконечников со скрытой втулкой: от четырехгранных (Бережновка 1, к.25, погр.4), через грубоограненные (Милорадовка 1), к пулевидным (Черebaево).

По поводу бронзового наконечника из Осинов-Гая, его конструктивных отличий от восточных аналогов [Аванесова Н. А., 1975], а также вероятности его генеалогии уже сказано при рассмотрении финальных материалов. Поэтому теперь лишь осталось коротко отметить, что данный артефакт, в комплексе с керамической серией, синхронной раннехвалынским, наиболее оптимально отсекает нижнюю границу начала финального этапа в развитии срубных поселений степного Волго-Уралья. Это начало XIII в. до н.э.

Синхронно чисто срубному, во многом еще архаичному осиновгайскому комплексу развиваются раннехвалынские поселения в лесостепи и на Волге, а также «аридные» памятники смешанного типа в пограничье степи и полупустыни. Вероятнее всего, это время становления первого этапа правобережной хвалынской культуры валиковой керамики, датированного XIII–XII вв. до н.э. [Малов Н. М., 1987. С. 159–160]. Это время интенсивной динамики местного керамического комплекса, выразившейся в сокращении традиционных форм сосудов и усилении тенденции округлобукости тулова горшков. Объективно эти перемены можно расценивать как опосредованное следствие проникновения в регион носителей элементов синхронных восточных культур (прежде всего федоровской, а позже, возможно, алексеевско-саргаринской), а также выразительных «аридных» признаков.

Таким образом, первый этап позднесрубной культуры степного Волго-Уралья может быть полностью синхронизирован с периодом становления ХКВК в рамках XIII–XII вв. до н.э.

Второй этап финала в нашем регионе, характерный полным исчезновением архаичных комплексов типа Осинов-Гая и постепенным замещением в смешанных комплексах остаточных срубных признаков на «аридные», - период короткого сосуществования во времени степных позднесрубных племен с правобережными позднехвалынскими кайбельско-танавского типа. Памятники второго этапа ХКВК датированы XI–X вв. до н.э. [Малов Н. М., 1987. С. 159-160]. Данными о возможности синхронизации с ними наших финальных материалов второго этапа мы не располагаем. Скорее всего, срубные элементы в степи окончательно растворяются в самом начале кайбельско-танавского времени. Это хорошо заметно по материалам, происходящим из сборов на дюнных стоянках аридной зоны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Степное население срубной культуры Волго-Уральского междуречья прошло в своем развитии длинный путь с конца XVII до рубежа XII–XI вв. до н.э. Его история начиналась в конце эпохи средней бронзы, когда подвижные племена степей практиковали экстенсивные формы животноводства, восходящие еще к древнеямной эпохе. Именно этот тип хозяйства был унаследован ранними срубниками.

Эпоха поздней бронзы начинается для степного срубного населения на рубеже XVII–XVI вв. до н.э., когда, с усилением фазы ксеротерма, подвижные формы животноводства уступают место пастушеским и возникают первые поселения с достаточно выразительными культурными слоями, развивается местное домостроение.

В раннесрубное время появляется экономически рентабельный тип поселка – большесемейный хутор (классический вариант – Преображенка 1), центром которого была комплексная хозяйственно-жилая постройка, где проживала одна большая патриархальная семья (как правило, три поколения связанных кровным родством людей). Другие строения хутора были ориентированы на различные виды производств и чисто хозяйственную сферу жизнедеятельности. Но и сама хозяйственно-жилая постройка располагала отгороженными пространствами и пристройками, рассчитанными на хозяйственные операции и мелкие придомные производства. Развитие и умножение таких поселков-хуторов проходило, вероятно, по нуклеарной системе (подрастающие поколения выделялись на самостоятельные поселения и создавали аналогичный натуральный хозяйственный цикл). Натурально-хозяйственная структура системы жизнеобеспечения в период становления срубной культуры не была абсолютно замкнутой. Об этом свидетельствует достаточно представительный набор инокультурных артефактов, находимых на поселениях этого времени. Основная причина необходимости внешних контактов – отсутствие местных металлоресурсов. Главными статьями натурального обмена на металлургическое сырье и готовые изделия у местных племен могли быть только скот и продукция животноводства – основные виды специализации хозяйства большесемейных хуторов. Подобные типы поселений существовали, видимо, на протяжении всей истории срубных племен, и распределение естественно-географических ниш напрямую зависело от потребностей первичных ячеек того общества – большесемейных общин, объединенных в роды и племена.

Данное предположение косвенно может подтверждаться имеющимися в нашем распоряжении данными по количественному составу домашних

животных, содержавшихся в хозяйствах поселений Успенка и Максютново: 15 и 28 особей крупного рогатого скота соответственно, 9 и 16 голов мелкого рогатого скота, по 3 лошади, по 2 собаки [Синицын И. В., 1947. С. 143, 151]. Предположительно можно рассматривать данное поголовье как необходимое для непосредственного жизнеобеспечения жителей конкретного поселка и именно действия одной его статьи (получение пищи). Но оно отнюдь не решало всех проблем жизнеобеспечения (кожаная одежда и обувь, шерстопрядение и т.д.). Количество стада невозможно достоверно установить по остеологическим материалам одного поселенческого комплекса, поскольку большая часть скота была включена в систему отгонного животноводства, которое практиковалось одновременно с пастушеским (придомным) типом содержания и выпаса. Оформившись в период становления поселенческой культуры, этот тип продолжал совершенствоваться и в развитое время, а затем органически трансформировался в полукочевые животноводческие системы периода финала и далее – в кочевое скотоводство раннего железного века. Основанная на регламентированном использовании степных пастбищ и посезонной эксплуатации зимников, отгонная система – единственная – могла обеспечить сохранение поголовья скота в период максимума ксеротерма.

Различные типы животноводческих хозяйств, развивавшиеся с эпохи ранней бронзы до позднего средневековья, с привлечением остеологических материалов из погребальных памятников Нижнего Поволжья, с учетом письменных источников и этнографических данных, были талантливо смоделированы В. П. Шиловым [Шилов В. П., 1975. С. 71–76]. Становление номадизма автор напрямую связывает с процессом освоения открытых степных пространств. Данная установка бесспорна в плане выяснения различной степени подвижности животноводческих систем в разные исторические эпохи. Но трудно согласиться с полным отождествлением понятий «отгонная» и «кочевая» формы скотоводства. Ранние формы отгонной системы, функционально сопоставимые с джейляу скотоводов предгорий, сосуществовали с формой пастушеской, придомной и практиковались одним и тем же населением. Но именно на базе отгонной системы позднее развивается чисто кочевой уклад подвижного населения Волго-Уральской степи.

Несомненно, система хозяйствования во многом определяла образ жизни. И в период развитой срубной культуры – время внешней стагнации, под которой подразумевается стабилизация, канонизация основных культурообразующих признаков, – мы имеем дело с новым феноменом, который образно можно охарактеризовать как «подвижное в неподвижном». Очень гибкая и подвижная форма хозяйствования, а именно сочетание придомно-пастушеского животноводства, требующего бережного, регламентированного использования местных степных и пойменных ресурсов, с неупорядоченным, хищническим потреблением кормов зимних пастбищ, –

занимала все силы дееспособного населения и, таким образом, полностью ограничивала возможности внешних контактов и тем более постоянного взаимодействия с внешним миром. Характерная особенность природно-географической среды в пространстве междуречья Волги и Урала в период максимума ксеротерма в середине II тыс. до н.э. объективно могла сформировать на ограниченном отрезке времени только такой вариант хозяйственно-культурного типа.

По всей видимости, аналогичные процессы могли проходить и на сопредельных территориях, например в ареале расселения алакульских племен, где процентное соотношение видов домашних животных напоминает ситуацию Заволжья [Потемкина Т. М., 1985. С. 345].

Оживление культурной динамики в позднесрубный период, связанное, вероятно, с множеством факторов как природно-климатического, так и общеисторического характера, отразилось на местных материалах в виде изменений в строительном деле, керамическом комплексе, появлении инोकультурных типов посуды и инвентаря (имеются в виду, прежде всего, федоровско-бишкульские и «аридные» элементы, поразительно схожие с дандыбаевскими материалами центрального Казахстана). Внутренняя законсервированность степного срубного массива в короткое время была прорвана, скорее всего, конкретными носителями этих элементов. В любом случае, основным фактором подвижки, видимо, послужила коренная ломка хозяйственных структур степной и лесостепной зон Евразии восточнее Волги и Урала. Т. М. Потемкина сообщает данные об изменении видового состава стад на алексеевско-саргаринском этапе бронзового века Приоболья – уменьшении поголовья крупного рогатого скота и увеличении численности лошади, что рассматривается как начало перехода к кочевому типу животноводства [Потемкина Т. М., 1985. С. 345].

Последствия этих процессов на востоке были решающими для срубной культуры всего Волго-Уральского междуречья. На первом этапе финала чисто срубные поселения остаются только на коренных степных пространствах Поузеня, а вокруг, в лесостепи и полупустыне, формируются смешанные комплексы (срубно-хвалынские и «аридные»). А на втором этапе собственно срубные признаки постепенно растворяются в новых, все более и более доминирующих компонентах. Данные изменения, фиксирующиеся на керамических артефактах, сопровождались такими кардинальными явлениями, как полное исчезновение стационарных жилищ, долговременных поселений, что могло быть сопряжено исключительно с радикальной переориентацией на полукочевое, а затем и кочевое скотоводческое хозяйство.

Дальнейшая история степных племен Волго-Уралья проходит переходную эпоху от позднебронзового к раннему железному веку, связанную с материалами нурских и киммерийских памятников.